



ЧЕРВИВОЕ ЯБЛОКО

МОЯ ЖИЗНЬ СО

СТИВОМ ДЖОБСОМ

Крисанн Бреннан
Червивое яблоко. Моя
жизнь со Стивом Джобсом
Серия «Темная сторона успеха»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8703780

Червивое яблоко. Моя жизнь со Стивом Джобсом / Крисанн Бреннан.: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-76521-8

Аннотация

Стив Джобс – идол высоких технологий, создатель современного образа жизни, циничный делец, превративший мечту о свободе в многомиллиардный бизнес.

Но Крисанн Бреннан – первая любовь Стива и мать его ребенка – помнит Джобса совсем другим и знает его лучше многих. В ее глазах юный Стив предстал мечтателем и идеалистом, стремящимся изменить мир – ни на что меньшее он не был согласен. Но постепенно этот романтик-максималист превратился в холодного, бездушного, жестокого человека. Человека, способного отказаться от собственного ребенка, человека, перепутавшего власть и любовь. Крисанн, как и многие другие, стала жертвой жестокости Стива Джобса.

Но не перестала любить его. Эта любовь заставила ее детально и искренне вспомнить все, что связывало их со Стивом в молодости. Эта любовь заставила ее внимательно рассмотреть путь, который они прошли вместе. И эта любовь помогла ей показать человеческую натуру Стива Джобса так открыто и подробно, как не делал еще никто из его биографов.

Содержание

Читателю	4
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	26
Глава 5	31
Глава 6	37
Глава 7	44
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Крисанн Бреннан

Червивое яблоко. Моя жизнь со Стивом Джобсом

Лизе, которая оседлала кита.

Читателю

Есть три вещи, которыми, я думала, я никогда не буду заниматься в своей жизни: изучать историю (у меня от нее мигрень), играть на барабанах (просто у меня это не очень хорошо получается) и писать книгу. И вот я пишу предисловие читателю... своей книги.

На протяжении многих лет ряд людей побуждал меня написать мою историю. Еще большее количество предостерегало меня от этой затеи, доходя даже до заявлений, что у меня нет такого права. Право, о котором они вели речь, – право рассказать историю моих взаимоотношений со Стивом Джобсом. Я встретила Стива, когда мне было всего семнадцать. Я стала его первой любовью и матерью его первого ребенка и, таким образом, могу поделиться уникальным взглядом на этого человека, который очаровал весь мир. Я никогда не горела желанием рассказать миру свою историю. С одной стороны, большую часть времени и внимания я посвящала дочери Лизе и своей жизни и работе в качестве художника. С другой стороны, мои отношения со Стивом были сложны и полны нюансов; я никогда не хотела заново переосмысливать эту историю и уж тем более предавать ее огласке.

Никогда не говори «никогда».

В июле 2006 года я заболела. Доктора не сумели поставить мне точный диагноз. Я оказалась не в состоянии работать – резкий запах краски от моих картин усугублял болезнь – и в течение пяти месяцев была практически бездомной. Недуг сковал меня и поверг в состояние уныния и страха. Мне требовалось найти что-то значимое, на чем я могла бы сконцентрироваться. Я отдала свои вещи на хранение, села в автомобиль и отправилась в путешествие вокруг области залива Сан-Франциско – от округа Марин до округа Санта-Круз, – останавливаясь у друзей. Моя цель состояла в том, чтобы попытаться вылечиться. Я поехала навестить отца в Сакраменто, и именно тогда, когда я была одна в машине, у меня впервые возникла идея написать эту книгу. Я поняла: время пришло.

Мое положение было кошмарным, и сейчас я могу сказать, что ничто иное, кроме тех ужасных обстоятельств, в которых я оказалась, не заставило бы меня заново – и тщательно – пересмотреть всю свою историю со Стивом, не говоря уже о том, чтобы ее описать. Но так как мне нечего было терять, я приступила к работе.

Написание мемуаров во многом похоже на занятие спелеологией. Включая нашлемный фонарь, я чувствовала, будто опускаюсь во все более глубокие и темные пещеры, преодолеваю широкие и узкие расстояния для того, чтобы обнаружить великую и ужасающую красоту, скрытую в холодном, темном подземелье. Как только я начала сводить все это воедино, одной лишь моей мыслью было двигаться дальше.

Процесс написания мемуаров показался мне занимательным и сокровенным. Путешествие в прошлое и поиски своего места в нем позволили по-новому взглянуть на события тех лет и обрести свободу. Чего я не знала в тот момент – это того, что мне потребуется около семи лет, чтобы написать воспоминания, и что во время этого процесса я испытаю своего рода перерождение. Вот что значило для меня в конечном итоге рассказать эту историю – сначала себе, а теперь, здесь, и тебе, читатель.

Мне повезло: мало кто может себе позволить пересмотреть всю свою жизнь и найти отдушину. Долгое время у меня было чувство – правильное или ошибочное, – что на мне лежит уникальная обязанность поделиться своим опытом общения со Стивом Джобсом тех времен, когда он еще не создал Apple, и добавить свою точку зрения в уже существующую картину. Мало что известно о тех временах, когда Стив был подростком и только вступал во взрослую жизнь. Но я знала молодого человека, забавного и задумчивого, интеллектуально честного юношу, который искал свое место в мире и то, что он считал своим предназначением. Собственными глазами я видела, как он менялся, менялся и снова менялся по мере того, как учился использовать власть и злоупотреблять ею. Я считаю, что у меня есть что рассказать о Стиве, а также думаю, что мои размышления как молодой девушки, сталкивающейся с системами власти, тоже важны. Я предполагаю, что многие люди узнают собственные истории в некоторых деталях моей книги. Это и многое другое помогало мне идти дальше, вдохновленной и целеустремленной.

В конечном счете то, что я написала, – это моя история. Это не откровение или разоблачение и не журналистика. Это мое собственное повествование, и, как и все таковые, оно происходит из моего опыта, воспоминаний и проницательности. Я попыталась изобразить содержательный портрет Стива, себя, того времени и наших отношений, а также осознать те вещи, которые ни я, ни Стив не понимали в тот момент, когда они происходили.

Я могу сказать точно, что, если бы не компьютер, я бы никогда не смогла написать эту историю. Но если бы не компьютер, у меня, может быть, и не было такой необходимости. Такова простая ирония, которая забавляла меня на протяжении всех последних семи лет. (И да, я использовала именно «Мак», чтобы написать эту книгу.)

Глава 1 Творцы

Я обратила на него внимание в начале января 1972 года – моего первого года обучения в старших классах средней школы. Он носил тонкие синие джинсы с большим количеством огромных дыр, напоминавшие разорванную ткань, висящую на петлях ремня вокруг его ног. На нем была хорошо выглаженная рубашка и кроссовки, и он ходил так, как делал это, будучи уже взрослым: пружинистым шагом, сдержанно размахивая руками. Был веселый, солнечный калифорнийский день, и он стоял во дворе с маленькой книгой в руках. Не знаю, почему я не видела его раньше, хотя, как выяснилось позже, многие из моих друзей были с ним знакомы. Он сразу же привлек мое внимание, и, когда он покидал территорию кампуса, я решила последовать за ним, желая ему что-нибудь сказать, но не имея ни малейшего представления ни что именно говорить, ни как я это сделаю. К своему удивлению, еще три раза в течение следующей недели я шла за ним по пятам до конца кампуса. В итоге я сдалась, потому что мне было слишком сложно взять и представиться вдруг, как гром среди ясного неба, парню, которого я считала милым. Я даже не знала, как его зовут.

Месяц спустя мой друг и одноклассник Марк Итцу решил снять фильм и пригласил меня подготовить его анимационную часть. Марк хотел сделать картину, которая объединила бы двухмерную анимацию, пластилиновую анимацию и игру актеров, и посвятить ее тому, как студенты в нашей старшей школе борются с силами, желающими, как мы считали, подавить нашу индивидуальность. Родители Марка были интернированы в концентрационный лагерь для японцев в США во время Второй мировой войны, и хотя, когда мы готовили фильм, он этого не знал, горел огромным желанием рассказать, каково это, когда подавляют твое «я». У всех у нас имелась своя история. Во время работы над проектом наш коллектив расширялся, приглашались новые люди, однако в самом начале нас было всего трое: Марк, я и парень по имени Стив Экштайн, оператор.

Мы работали над фильмом на протяжении примерно трех месяцев, по крайней мере, каждый вечер пятницы или субботы, начиная с 23.00 и до самого рассвета. Марк назвал его «Хэмпстед», намекая на нашу школу – Высшую школу Хоумстед. Так же звали и небольшого приземистого глиняного персонажа, которого он создал с целью изображения в фильме рядового обывателя. Нашим местом съемки была площадка из цемента в центральном дворе кампуса, где я обычно сидела и ела мой обед во время учебного дня. Но мы трудились по ночам и находились там без разрешения, рискуя бог знает чем, если бы нас поймали.

Ночи были холодными. Я была в восторге от звездного неба, и мне нравилось, что мы там сами по себе и пытаемся что-то сотворить. Едва слышимые звуки, которые мы издавали, тонули в пространстве кампуса, построенного из шлакобетонного камня и похожего на огромную пещеру, и мы радовались, что настолько сосредоточенны и спокойны и создаем нечто особенное, понятное лишь нам немногим. Мы работали без перерывов. Марк и Экштайн – за камерой, обмениваясь друг с другом парой слов во время съемки; я – под одиночным, поставленным под идеально низким углом прожектором. Из положения между пронацией и супинацией я кадр за кадром рисовала свои макеты, будучи очень осторожной, чтобы не нарисовать слишком мало или слишком много, прежде чем встать и отступить назад, чтобы поставить на паузу и снять нужный кадр, а затем вернуться. И так продолжалось часами.

В одну из ночей Марк поручил мне слепить из земли кусочек за кусочком его глиняного человечка, чтобы это выглядело так, словно Хэмпстед появляется прямо из цемента. Затем он протянул мне второго Хэмпстеда, разрезанного пополам, с которого я должна была

начать воспроизводить сцену его появления. Когда этот маленький персонаж полностью вылезал из цемента, я делала так, чтобы в кадре создавалось впечатление, что он размахивает руками в порыве болезненного безумия из-за того, что его похоронили заживо. В другой вечер мне надо было нарисовать тропинку, по которой эта маленькая фигурка могла спуститься. Используя дешевый цветной мел, я начала наносить мягкий узор, который затем приобрел вид мерцающего огня. Это выглядело психоделично. Однако, говоря по правде, такая форма пришла мне на ум из моих воспоминаний о клубящемся сигаретном дыме родителей, на который мне очень нравилось смотреть в те времена, когда я была ребенком и жила в Огайо. Этот дым поднимался достаточно высоко, чтобы я могла следить за ним глазами во время их ежемесячной игры в покер с моими бабушкой и дедушкой.

Эти прекрасные ночи в кампусе Хоумстед породили во мне чувство независимости и простора. Если фильм был о потере нашей аутентичности, то его создание служило противовесом. Со временем слухи о том, что мы снимаем кино, расползлись, начали приходить люди вдвоем или втроем, чтобы посмотреть, что мы делаем. Музыканты, аниматоры, полуночные укурки и другие присоединившиеся, «Творцы», которые представляли наиболее талантливую и любопытную студенческую ячейку Хоумстеда. Я отрывала глаза от своей работы и видела удивительный всплеск тихой активности по мере того, как появлялось все большее количество знакомых лиц. Во всем этом присутствовал своеобразный питательный элемент счастья, и я чувствовала, как жизнь вокруг меня начинает играть новыми красками. Когда заканчивалась ночь и наступал бледно-лиловый рассвет, я шла домой, вымотанная и глубоко благодарная, испытывая при этом значительное облегчение, что нас в очередной раз не поймали за нашей противоправной деятельностью.

Миновало, может быть, чуть больше месяца со времени начала съемок фильма, когда из темноты появился Стив. Его путь лежал целенаправленно ко мне, поэтому мне стало даже интересно, уж не знал ли он о том, что мне нравится. Но я никому не говорила об этом. Он был высокий, красивый и решительный – идеальный пример объединения в одном человеке различных противоположных черт, словно прекрасный принц в потертых джинсах, немного странный и уязвимый, но при этом также и отважный. Во время нашей небольшой беседы мы искали точки соприкосновения. Затем он полез в свой карман и протянул мне листок бумаги с текстом песни Боба Дилана¹ «Sad Eyed Lady of the Lowlands». Я чувствовала отпечаток букв, когда разворачивала записку, и мне было интересно, напечатал ли он текст специально для меня или так просто получилось, что он оказался в кармане и Стив захотел им поделиться. Я никогда об этом не спрашивала. Позже я осознала, что вокруг Стива существовало своего рода морфическое поле. Вещи происходили, они были необъяснимы, не всегда детально спланированы, но идеальны.

Мы поговорили около двадцати минут, и мне хватило их, чтобы изучить каждую маленькую деталь – силу его притягивающего взгляда и излучаемую им щепетильность. В конце нашей беседы я увидела, как он ушел в себя, а затем, пристально посмотрев на меня и изучив двор своим необъяснимо суровым взглядом, который, казалось, идет из ниоткуда, он снова исчез в ночи.

На протяжении месяцев работы над фильмом у меня оставалось много свободного времени. Мне было тяжело ждать и сидеть в сторонке, пока снималась сцена, в которой не требовалась моя помощь. Поэтому я заполняла свободные минуты, рисуя картину из книги с фотографиями, собранными Эдвардом Стайхеном, – «Род человеческий». Книга, что я украдкой взяла из шкафа моей матери, была датирована и подписана ее прежним молодым человеком, который, по всей видимости, ее и подарил. Я частенько смотрела на нее и считала эту подпись редкой возможностью заглянуть в мир моей матери тех времен, когда я еще не родилась.

¹ Боб Дилан – известный американский рок-исполнитель. – *Здесь и далее прим. пер.*

Все это очень обескураживало. Кто был этот человек? Любили ли они с моей матерью друг друга? Много раз мать говорила нам, что она надеется, что мои сестры и я однажды в своей жизни будут раздеты поэтом. Был ли он ее поэтом? И почему, черт подери, всего лишь раз?

«Род человеческий» – прекрасно составленная книга с изображениями, полученными от сотен фотографов со всего мира. Это сокровище, в котором отражена вся широта человеческого опыта. Причем не только в фотографиях, но и в сопроводительных надписях.

«Человеческий мир танцует в смехе и слезах» – Кабир.

«Пожимая руки людям из других стран, понимай их мотивы» – Джон Мейсфилд.

«Хлеб-соль ешь, а правду режь» – старая русская поговорка.

«Если я перестану действовать, мир погибнет» – «Бхагавад-гита».

«Со всеми живыми существами и вещами надо вести себя так, словно ты их родственник» – индейский народ группы сиу.

Я перечитывала эту книгу столько раз, что она научила меня любить мир, любить жизнь и понимать себя посредством слова и изображения. Я одновременно рисовала и писала с нее. В тот раз мне захотелось нарисовать фотографию Гомера Пейджа, на которой был изображен чернокожий южноафриканец. Камера поймала момент, когда его мощное, ищущее лицо смотрит прямо в нее. Слова под фотографией гласили: «Кто на моей стороне? Кто?» Книга оставила настолько глубокий след в моей жизни, что я чувствую, что даже мои клетки могут о ней рассказать.

Мне всегда нравилась эта фотография: она говорила со мной. Моим двоюродным дядей был Бранч Рики – человек, которому хватило смелости, смекалки, власти и административного ресурса, чтобы разрешить Джеки Робинсону² играть в Высшей лиге. Они оба были моими героями, и я горжусь, что меня ассоциируют с этой историей. Эти два человека олицетворяли те цели и задачи, которые стояли передо мной: стать лидером и сделать что-то для других, осуществить перемены. Эта картина являлась для меня формой уличного искусства. Для меня было важно верно ее изобразить, а также донести с ее помощью правильный посыл.

Я работала масляными красками и рисовала прямо на цементе на краю двора, в относительно темном месте недалеко от съемочной площадки. Стив, должно быть, заметил, как я занимаюсь картиной, так как однажды ночью он объявился, принес свечку и несколько спичек, чтобы я могла лучше видеть. Той весной, когда работа над фильмом шла полным ходом и я рисовала, Стив частенько приходил и сидел около меня, пока я рисовала. Хотя я терпеть не могла, когда кто-то мешает под ногами в процессе моего творчества, я всегда несказанно радовалась при виде его. Рисование было для меня глубоко личным делом, и я ни разу не брала в руки кисточку, когда рядом находились посторонние. Но так как я не имела ни малейшего представления, как попросить его уйти, и так как он сидел очень тихо, будучи словно в своеобразном трансцендентном состоянии, я разрешала ему присутствовать. Я делала пару мазков – ненавязчивых и непринужденных – и откладывала настоящее рисование на те ночи, когда он не приходил.

* * *

В середине апреля, более чем через месяц после нашей первой встречи, мы со Стивом решили увидеться у него дома, чтобы провести некоторое время вместе: лишь я и он. Он сказал, что его родители на работе и что весь дом будет в нашем распоряжении. Я согласилась, ответив, что было бы прекрасно хотя бы раз провести время друг с другом днем. Так

² Джеки Робинсон (1919–1972) – американский бейсболист, первый темнокожий игрок в Главной лиге бейсбола в XX веке.

как он заканчивал учебный день в 13.00, а я в 15.30, он нарисовал для меня карту с маршрутом до его дома на Крист-драйв, в полутора милях от школы.

Когда я добралась туда, Стив из окна своей спальни сделал мне знак рукой – заходи. Я помню, что меня слегка покорило, что он не спустился встретить меня у входной двери. В тот день обошлось без проявления рыцарских манер с его стороны. Я полагаю, он так волновался, что решил вести себя как ни в чем не бывало. Возможно, он даже подстроил, чтобы все выглядело непринужденно. Я вошла в его дом и повернула за угол в его спальню.

Маленькая комната Стива походила практически на барак. Все в ней было организовано довольно просто: одна кровать, окрашенный в темный цвет деревянный шкаф, комод и небольшой письменный стол, стоящий у окна, которое выходило на улицу. Я заметила на его столе пишущую машинку, огромный «Ай-би-эм селектрик» ярко-красного цвета. Я была впечатлена, что Стив владеет такой передовой технологией. Из того времени в моей памяти сохранились его руки в момент использования машинки. У него были красивые, гладкие, интеллигентные руки с длинными элегантными пальцами. Когда он печатал, машинка выдавала набор из отдельных букв с такой шокирующей силой и скоростью, которая отличалась от обычного прикосновения его пальцев. Руки Стива были созданы для технологий. Они являли собой продолжение машинки, естественное и подлинное с самого начала.

За исключением пишущей машинки, комната Стива была похожа на те мальчишеские комнаты, в которых я играла ребенком. Особенно это касалось цветов: тусклый бежевый, коричневый, армейский зеленый; суровый, резкий оранжевый и красный. Мне они не нравились, но сама комната производила приятное впечатление, поскольку она была яркой, с неким не поддающимся описанию чувством света и порядка. Я могла ощущать этот воздух в комнате Стива и рядом с ним, и мне он очень нравился.

Примерно через год с небольшим он показал мне содержимое своей кладовки, после того как, по всей видимости, потратил целый день на ее уборку. Она являла собой пример организационной красоты. В небольшой, но вместительной кладовке все было расставлено так, чтобы обеспечить наиболее оптимальное использование пространства: одежда Стива аккуратно развешена, его рюкзак, палатка и другое туристическое снаряжение накинуты на крючки в задней части кладовки. Его туфли расставлены на нижней полке стеллажа, магнитофонные ленты идеально разложены по коробкам, его книги и остальные принадлежности упорядоченно стояли на верхней полке. Гордо подняв руку, как будто на пьедестале, Стив произнес: «Посмотри на это». Я никогда не видела, чтобы он гордился уборкой. Мне это было не особо важно, однако он весь светился. Не преувеличивая, можно сказать, что его привычка разбирать вещи в чулане и укладывать их в специально отведенные места послужила развитию его чувства эстетики – может быть, даже его успеху в качестве шоумена.

Улыбаясь, Стив сказал мне, что он выбросит все, что (а) не использует и (б) что стоит меньше двадцати пяти долларов. Двадцать пять долларов были его предельной границей: вероятно, вещь не могла занимать место в его кладовке, если он мог заменить ее за эту сумму или меньше. Он потратил немало усилий для разработки подобной формулы, – приняв во внимание фактор цены, формы и удобства эксплуатации (одновременно настоящей и будущей). Это было похоже на детскую игру, демонстрирующую умственные способности, которые он позже применил для разработки компьютера.

Стив сидел на полу, подогнув ноги и прислонившись к кровати, когда я пришла к нему в первый раз. На нем были шикарные наушники, подключенные к трехфутовому катушечному магнитофону. Мы оба очень волновались, и он грубовато комментировал свою коллекцию бутлеггов³ выступлений Боба Дилана на том или ином концерте. Важность всего этого мне была абсолютно непонятна. Я не имела ни малейшего представления ни о каких бутлегах,

³ Бутлег – пиратская копия легально выпущенной продукции.

думая, что бутлегерство каким-то образом связано с распространением алкоголя во времена «сухого закона», хотя и уловила общий смысл, что бутлег – своего рода контрабанда. Это стало началом моего хрупкого женского познания его уязвимого мальчишеского мира.

Я не помню, о чем мы беседовали тем весенним днем. Я лишь помню, что потребовались некоторые усилия, чтобы преодолеть странность новой дружбы и выяснить, кто кем из нас являлся, кем мы были вместе и кем мы могли друг для друга стать. В воздухе витало определенное волнение. Я думаю, что с той поры, как он пригласил меня к себе и я приняла это приглашение, мы оба понимали, что ворота открываются нараспашку и наступают времена любви.

* * *

К середине мая подготовка фильма Марка вошла в финальную стадию, и практически все, кто принимал участие в еженедельной работе над ним, пришли отметить данное событие. Мы устроили формальный званый вечер ночью в центральном кампусе – самом сердце нашей общественной жизни. Собравшись насладиться запахом свободы ночного воздуха в последний раз, мы, группа ярких счастливых людей, одетых в платья и смокинги (Стиву удалось где-то раздобыть цилиндр), поднимали бокалы, ели и смеялись, сидя вокруг длинного, освещенного свечами стола, подобно героям картин Феллини. Свет свечей и наличие квартета создавали у нас впечатление, словно мы находимся в каком-то элегантном немом кино.

Этой весной, работая над созданием фильма и посещая в некоторые субботние дни баскетбольные игры, мы со Стивом смогли узнать друг друга получше. Он не любил много говорить, однако был забавен и энергичен, и ему очень хорошо удавалось рассмешить меня. Но он был очень скромным. Настолько скромным, что ему никак не удавалось поцеловать меня в первый раз. Я была настолько смущена его попытками сделать это, что в конечном итоге я *сама* поцеловала *его*.

После того как мы уже были вместе некоторое время, Стив отважился заявить мне, что я – его «северная сельская девчушка», та самая из песни Боба Дилана, что была его истинной любовью, та самая, с которой он познакомился до того, как придут слава и богатство, та самая, что пострадает от веяний времени. Даже тогда он расположил меня в своей «как у Боба Дилана» жизненной хронологии. Я не понимала, что мне отведена некая роль в некоем мифическом сценарии, который он сам для себя придумывал.

Я была небольшой, изящной девушкой – всего пять футов два дюйма – с длинными русыми волосами, приобретавшими золотой оттенок при попадании на них солнечного света. У меня были высокий лоб и слегка удлиненное лицо, утонченные, выразительные руки и зеленые глаза. Дислексия оказала влияние на формирование моей личности как возбужденной, креативной и ненасытной к решению проблем – яркой, но довольно невежественной в отношении правил поведения. Я полагаю, что Стив, должно быть, интуитивно почувствовал, что я обладаю пронизательным умом и при восприятии мира вокруг себя ориентируюсь прежде всего на чувства.

Что я нашла в Стиве?

С того самого момента, когда я увидела его в первый раз, я знала, что он гений, потому, как светились его глаза. Спустя некоторое время я поняла, что он обладал запредельной интуицией и был развитым не по годам человеком с темными волосами и мраморно-белой кожей – настолько чувствительной и тонкой, что, как я позже поняла, являлось полной противоположностью его характера. Он немного шепелявил. Его верхние и нижние зубы сводились вместе идеально, придавая его ближневосточным губам и носу еще более характерный вид. В его улыбке крылось что-то, делавшее его похожим на пирата, у которого в сундуке припрятано бесценное сокровище. Меня в нем привлекало выражение глубокой печали на

его лице. Однако в его фигуре была также и неопишуемая целостность, которая создавала впечатление, что он обладает необходимой скромностью и силой, чтобы идти по миру таким, каков он в действительности есть. Я восторгалась этим с самого начала. Я знаю, некоторым может показаться маловероятным присутствие в характере Стива такой черты, как простота, однако это как соль в шоколаде – небольшой контрастный вкус, который помогает понять его истинную и настоящую силу. Сочетание всех этих качеств проявилось в личности: непочтительной, яркой, странной, оригинальной, забавной и полной загадок. Мое восхищение им, абсолютное и искреннее, не знало границ.

Мы отличались друг от друга по многим параметрам. В то время как он полагался на логику и интуицию, я ориентировалась на свои чувства и на то, что мне подсказывала душа. Тем не менее мы разделяли основные творческие ценности и были склонны экспериментировать. Стив и я хотели найти пути для преодоления различных ограничений, и этот импульс был сильнее страха совершить ошибку. Никто из нас не придавал большой важности необходимости быть правым. Ощущение, что мы стали друг для друга истинными инь и ян, все еще не покидает меня, однако через некоторое время это же самое качество развело нас по разные стороны и оказало на наши отношения губительное влияние.

В те дни я считала Стива своим проводником, поскольку видела в нем интеллектуальную честность. Он был высокого роста и обладал утонченной внешностью без лишних прикрас. Я представляла, что именно так должен был выглядеть Авраам Линкольн: скромный и честный, забавный – ничего лишнего. Моя жизнь в те времена сводилась к повседневности домашних будней, которые наносили существенный урон моей возможности выстраивать следующие этапы моей жизни, однако Стив продвинулся намного дальше в представлении о своем будущем и о дороге, которая его туда приведет. У него был эфемерный взгляд на вещи, я видела, как он систематизирует всю информацию, которая заключала в себе сведения о масштабах и цели. Он говорил замаскированными метафорами, и было видно, что внутри него также идет активный диалог. Я хотела узнать больше об этом внутреннем диалоге. Мне требовалось получить больше информации, и вскоре я начала обращать внимание на его арсенал знаний, чтобы понять, как он смотрит на вещи. Я считаю, что он был в равной степени счастлив и заинтересован в том, чтобы взглянуть на мир сквозь мои импульсы, восприятие и креативность.

Стив любил играть словами, которые казались мне непонятными и странными, часто говоря, что он был «самозванцем», или загадочно повторяя, что что-то должно продлиться «сорок дней и сорок ночей», или что было «тридцать девять минут второго». Также он много раз повторял, что *шут – это самая сильная карта*, отсылка, которая обозначала архетип и нечто большее, поскольку шут – в картах таро он обозначается нулем – связан одновременно со всем и ни с чем. Все дело в потенциале. Ставя себя в эту звездную роль и подмигивая мне с блестящей улыбкой, Стив был *Шутом*, тем самым, который ходит по краю известного мира и волей-неволей расплачивается за это. И да, он был отважным шутом, с малых лет знавшим, что ему уготована значительная роль в жизни. Однако все это расходилось с его мрачным предупреждением о том, что он «не хороший парень». Это выражение он взял из песни Томаса Дилана «Under Milk Wood». Я поражалась всякий раз, когда он его произносил, и не понимала его смысла. Еще он также любил повторять, что «его дни сочтены». Я никогда не понимала, о чем он говорит, но наклоняла голову, чтобы послушать как будто бы внутренним ухом, пытаясь найти ход мыслей во всей этой мешанине.

Ветра 60-х годов нас обоих прилично потрепали. Мы выработали у себя глубинное недоверие к устоявшимся правилам поведения и с огромным волнением смотрели в сторону тех удивительных возможностей, которые ожидали нас впереди. Кем бы нам ни предстояло стать, мы разделяли эту юношескую стадию охоты и собирательства, которая поддерживала нас в состоянии восторга и заставляла строить планы на будущее. Из-за этого и из-за сопут-

ствующей атмосферы мы были готовы, даже горели желанием идти на эксперименты. Нас можно даже назвать мечтателями, за исключением того, что в те времена я бы никогда не ассоциировала это слово с безотлагательной потребностью выйти за рамки известного. Вот что это было такое.

Глава 2

Абсолютная власть

Первые шесть недель нашей дружбы мы со Стивом существовали практически только в нашем юношеском мире: старшая школа, посещение ночных киносеансов, игры в баскетбол на лужайке старшей школы Купертино. Однако прошло немного времени, и мы познакомились с родителями друг друга.

Было около полудня субботы, когда я впервые встретила с Полом и Кларой Джобс. Они разрисовывали спальню его сестры Пэтти, и в суматохе, пока нас друг другу представляли, я заметила самый красивый желтый цвет, который когда-либо видела. Его оттенок застал меня врасплох, и мне стало интересно, кем были эти люди, что его выбрали. Мысли активно крутились у меня в голове: никто в моей большой семье никогда не прибегал к использованию такого или близкого к нему цвета. Его мягкий, теплый тон заставлял меня испытывать трепет. Тяжелее было понять другие эмоции, которые он вызывал, – чувство чего-то упущенного, разочарования в своей собственной семье.

Однако вскоре я поняла, что этот желтый цвет представлял собой исключение. Все остальное в доме Джобсов было предсказуемым и простым: бежевый диван, большое коричневое кресло La-Z-Boy и оттоманка, обеденный и кофейный столики из светлого дерева. Огромный телевизор занимал центральное место в гостиной, над ним висела книжная полка, на которой располагалась вся семейная коллекция из 50 книг (включая Книгу Иова) вместе со школьными фотографиями Стива и его сестры Пэтти. На фотографии Стива был изображен круглолицый пятиклассник с наполовину закрытым одним глазом; его красивое лицо было непослушным и очаровательным, но тем не менее загадочным.

В доме Джобсов по всей гостиной валялись большие упаковки конфет, а на их кухне, оформленной в стиле 40-х годов, можно было всегда с легкостью найти рулеты с джемом из ближайшего супермаркета. Недалеко от гаража стояла большая лодка (Стив и Пэтти катались на водных лыжах). У них также имелся домашний кролик, который свободно бегал вокруг дома и на заднем дворе, что меня чрезвычайно удивило. И когда я заглянула в родительскую спальню, то увидела там две односпальные кровати. Родители Стива спали раздельно, как пара из телевизионных сериалов 1950-х годов. Ни о какой романтике между ними не шло и речи. Это был дом, наполненный сугубо практичными вещами, дом без утонченной красоты, такое место, которым, как я представляла, должны были владеть чьи-то бабушка и дедушка.

* * *

Пол Джобс был худощавым мужчиной, ростом около шести футов, с военной стрижкой, что казалось немного странным даже для отцов, учитывая моду на короткие баки. У него были продолговатые морщины на узких щеках и водянисто-серые глаза. С его расшатанными нервами непродолжительные всплески раздражения были не редкостью. Когда он злился, тембр его голоса возрастал, и он частенько говорил о том, что хочет *дать кому-нибудь в челюсть*. В некоторые моменты он напоминал мне персонажа из мультфильма про Полая, и первый раз, когда я услышала его фразу про «*дать кому-нибудь в челюсть*», я оглянулась вокруг, чтобы понять, должна ли я рассмеяться. Определенно нет.

Пол был довольно строг по отношению к Стиву, частенько брюзжа, что Стив делает все не так. Я помню, как сильно Стива задевал этот, казалось, нескончаемый поток недовольства. Много лет спустя одна из подружек Стива, Тина Редсе, сказала мне, что думает, будто Пола Джобса в детстве били. И хотя я не имею ни малейшего представления, действительно это

так или нет, но судя по тому, как он себя иногда вел, в этом предположении был определенный смысл. Стив отвечал на выходки отца грустными улыбками и тщательным терпением. Я считаю, что Стив был эмпатом, и полагаю, что сильно эмпатические люди могут измениться и стать жестокими, как это и произошло потом со Стивом. С моей точки зрения, в предположении, что жизнь Стива была частично подчинена исправлению того вреда, который когда-то нанесли Полу, есть доля правды. Иногда я думаю, что глубокое чувство сопереживания Стива испарилось под воздействием выходок Пола.

С Полом Джобсом было нелегко общаться. Помимо его постоянного желания *дать кому-то в челюсть*, тогда, в первый день нашего знакомства, он не переставал повторять фразу «по-настоящему красив лишь тот, кто красиво поступает». Я не очень понимала, что он имеет в виду, однако он был отцом моего нового бойфренда, и я пыталась сохранять вежливость (так как Стив предпочел не вмешиваться и оставил все на мое усмотрение), и я лишь продолжала очень добросовестно отвечать ему «Оу». Мне понадобилось немного времени, чтобы понять, что он не только адресовал эту фразу мне, но и считал меня проблемой. Имел место и другой случай. Я помню, как однажды он начал недовольно ворчать, что учителя ленивы и им не следует выплачивать жалование в летнее время. Я – вежливо – не согласилась с ним, однако он повторил эту точку зрения четыре раза в течение следующих пятнадцати минут. Стив снова предпочел не вмешиваться. В то время мне было интересно, уж не думал ли Пол, что я собираюсь стать учителем.

Пол, трудолюбивый человек, превратил свой двухместный гараж в хорошо оборудованную мастерскую. Это удивительное помещение наполняли инструменты, приборы, различное машинное оборудование и запасные детали. Огромная настенная панель с отверстиями служила пристанищем для сотни инструментов – некоторые из них такой формы, какую я никогда раньше не видела. Каждый инструмент имел свой конкретный номер, нанесенный черным маркером, чтобы потом его можно было убрать на положенное место. Пол настолько хорошо устроил свой гараж – и наполнил его настолько интересными вещами, – что на него было приятно смотреть.

Я не знаю, чем Пол занимался в свое обычное рабочее время, однако гараж служил ему местом второй работы и источником дохода. По выходным он чинил старые американские машины, которые покупал по объявлениям в газете, а затем перепродавал по умеренной цене. Я часто заставляла его в моменты, когда он в своем комбинезоне копался в моторах и изучал комплектующие машины, подметал и поливал из шланга подъездную дорожку, а из его заднего кармана торчала красная тряпка, с которой стекало масло. Он был целеустремленный, не сидел ни минуты без дела, часто возмущался и красноречиво высказывался по поводу того, что его беспокоило, за исключением тех моментов, когда он был сконцентрирован. Один деловой журнал однажды назвал Пола «опытным продавцом машин», однако это абсолютно неверная характеристика. Для Пола починка машин являлась хобби и, как мне казалось, своего рода служением в интересах общества. Он действительно хорошо разбирался в том, что делал, и для него было чрезвычайно важно сделать все хорошо и правильно. Свою первую машину, четырехдверный «Шевроле», я купила у Пола за двести пятьдесят долларов. Свою вторую машину я также взяла у Пола, и всякий раз он старательно объяснял мне в мельчайших деталях всю информацию относительно устройства двигателя.

Я довольно рано поняла, что его не следует воспринимать слишком серьезно. Я чувствовала, что он ведет себя так задиристо из-за своего глубокого чувства бессилия. И я всегда заботилась о нем, мне и в голову не приходило иного. В конце концов, он был отцом Стива.

* * *

Клара Джобс, благоразумная женщина, выглядела юной и в то же время зрелой, с застенчивыми и очаровательными глазами и карамельным тоном голоса. Как многие женщины своего поколения, она курила. У Клары Джобс была слегка темная кожа и кудрявые каштановые волосы, широкие скулы и столь же широкая улыбка. Хотя она и не являлась биологической матерью Стива, но они были очень похожи. Я однажды сказала это Кларе, и она покраснела. Несколько лет спустя я познакомилась с настоящей матерью Стива, Джоанной Симпсон, и заметила, что между ней и Кларой было действительно много общего: широкие скулы, слегка темная кожа и карие глаза.

На протяжении многих лет Клара твердила Стиву, что его биологическая мать – одна из самых красивых женщин, которую она и Пол когда-либо видели. Стив неоднократно говорил мне в самоуверенной манере, что у него была красивая мать. Идеал ее красоты стал для него неприкасаемым, личным триумфом, поразительным и усовершенствованным за время ее отсутствия. Когда он говорил о ней, я чувствовала, как мое сердце наполняется чем-то вроде жалости. Не потому, что Стив был жалким, а потому, что незнание того, откуда он родом, играло для него важную роль, а также по тысяче других причин, которых я даже не могу назвать.

То значение, которое Стив придавал красоте, было для меня странным. Однажды он показал мне профессиональную гляцевую фотографию с изображением Клары в молодости. Его энтузиазм по отношению к этой фотокартке выходил за все возможные пределы. Мне даже стало интересно, уж не потому ли Клара создала такой образ красоты его биологической матери, что видела, какое большое значение он придавал красоте и привлекательности, а не только из-за его стремления узнать свое происхождение.

Вскоре после того, как я познакомилась с его семейством, я стояла одна в гостиной, ожидая Стива. В этот момент туда зашла Клара и сделала поразительное признание. Без какой-либо настоящей прелюдии она сообщила мне, что они с Полом усыновили Стива, когда он был еще младенцем. Однако вскоре после этого биологическая мать Стива подала на них в суд, пытаясь добиться того, чтобы ребенка отдали в другую семью. Настоящая мать Стива считала, что Джобсы не смогут обеспечить ее сына тем, чем она хотела. В действительности она изначально выбрала для своего сына другую семью: католическую, хорошо образованную и богатую. Однако в последнюю минуту эта семья решила, что хочет девочку. Именно так Джобсы получили Стива, а Стив – Джобсов. Однако затем начались сложности. Клара и Пол ходили в суд, чтобы отстоять право оставить у себя младенца, биологическая мать которого решила, что она хочет отдать его в другую – кто-то может сказать *более подходящую* – семью.

«Я была чересчур испугана, чтобы любить его первые шесть месяцев его жизни, – сказала мне Клара. – Я боялась, что они заберут его у меня. Даже после того как суд признал нашу правоту. Стив был очень сложным ребенком, и к тому времени, когда ему исполнилось два года, я считала, что мы совершили ошибку. Я хотела вернуть его обратно». Ее глаза становились все шире по мере того, как она говорила мне эту тяжелую правду их жизни. Я видела, как она порицает себя и испытывает чувство вины. Но это было не все. Когда я сейчас вспоминаю об этом моменте, задаюсь вопросом, пыталась ли она меня предупредить или просто объяснить.

Я была очень молода, когда познакомилась с Кларой. Не думаю, что она понимала, насколько я была молода. Я лишь кивнула с таким глубоким пониманием, какое только смогла изобразить, чтобы успокоить ее и подтвердить, что она говорит мне нечто мудрое. Но я также была смущена, поскольку знала, что плохо подготовлена к пониманию реалий

взрослой жизни. До момента этой нашей беседы я встречалась с Кларой максимум три раза. Она была матерью моего нового бойфренда, и в ту пору, когда большинство молодых людей не верят взрослым, ее признание показалось мне весьма удивительным. Мне стало грустно, и я чувствовала, как земля уходит из-под ног. Я помню, что пристально разглядывала пол, задаваясь вопросом, любят ли они его сейчас.

Стив задумчиво покачал головой, когда я рассказала ему, что поведала мне его мать. Он сообщил мне, что судебное дело было улажено после того, как его родители юридически обязались направить его в колледж. К тому времени, когда я познакомилась со Стивом, он уже был зачислен в колледж Рид, так что данная договоренность соблюдалась. Стив много раз повторял: «Я просто закрыл глаза и ткнул пальцем в книгу с названиями учебных заведений. Когда я их открыл, мой палец указывал на колледж Рид. Именно так я его и выбрал».

Стив рассказал мне, что дети в начальной школе насмеялись над ним из-за того, что он был усыновлен. «Что произошло? – частенько спрашивали они. – Твоя мамочка тебя не любила?» С этого времени прошло, вероятно, около десяти лет, однако, когда Стив говорил мне об этом эпизоде, в его словах все еще чувствовалась горечь обиды. Насмешки и издевательства в начальной школе наносили Стиву такой огромный вред, что однажды он пришел домой и сказал родителям, что не намерен больше терпеть такую ситуацию. Он не собирался возвращаться в эту школу.

От Стива всегда исходило ощущение контроля над ситуацией. Абсолютного контроля.

Я полагаю, что Пол и Клара признали это и понимали, что им необходимо что-то предпринять, чтобы защитить своего сына. И они переехали в Лос-Альтос и в другой школьный округ. Меня всегда поражало, на что Джобсы шли, чтобы защитить Стива. В то время как большинство родителей, которых я знала, скорее всего, не стали бы предпринимать ничего подобного и просто обошлись бы тем, что сказали ребенку «дай сдачи». Тем не менее, как ни странно, подход родителей Стива оказался недостаточно эффективным, так как, когда Стив вырос, он начал изощренно издеваться над самим собой на эмоциональном и психологическом уровне.

Меня поражал тот огромный объем свободы, которым Стив обладал, чтобы быть собой, и как сильно его родители, казалось, его уважали. У Стива имелись поэтическая жилка и интуитивный склад ума. Он часто говорил так, что, казалось, его слова и само их произношение были навеяны сильными ветрами с великих равнин. Я никогда не переставала поражаться тому, как эти трудолюбивые, принадлежащие к категории «синих воротничков» родители, эти люди, обладающие здравым смыслом, но малым количеством книг, давали ему необходимую свободу, чтобы стать полностью инакомыслящим, по сути, выдающимся.

Для меня это было сравнимо с тем мягким желтым цветом в комнате Пэтти: в Поле и Кларе было нечто изысканное, несмотря на нехватку образования. Когда Стив начинал свои декламации, все, казалось, делали глубокий вдох, утыкали взгляд в пол, даже меняли направление движения – как будто они были танцорами, которым поменяли ритм.

Я не очень осознавала в те ранние годы, как скрытый мир потерь и беспокойств Стива, должно быть, его сосредотачивал. Но напряжение чувствовалось, как стрела на натянутой тетиве, «взведенной» под воздействием тех ужасных потерь, которые он пережил. Однако когда он выпускал эту стрелу – вау! Она двигала его и, если уж на то пошло, меня, вперед в предвкушении и ожидании новых открытий Стива. Вдохновение – это всегда отклик на то, чего не хватает. Суть творческого процесса состоит в восполнении промежутков, того, чего недостает. Именно поэтому Пикассо, например, больше не нарисовал ни одной гитары после того, как он себе ее таки купил.

Стив всегда мог меня удивить. Однажды он произнес фразу, которая позволила мне разглядеть мужчину в ребенке – и ребенка в мужчине. Его слова о бомбежке коммунистов потрясли меня и открыли глаза на то, что он мыслит категориями холодной войны. В то

время я была идеалистично настроена и убеждена, что поддержание мира во всем мире является основной целью и, как пели «Битлз», все, что тебе нужно, – это любовь. Я считала, что направленные на раскол общества на противоположные лагеря оценки американо-советских отношений являлись ухищрением средств массовой информации, чтобы люди продолжали бездумно придерживаться националистических позиций. Я отвергала национализм, поскольку считала, что нашему новому поколению суждено смотреть на вещи более широким взглядом и находить свободные от предрассудков решения проблем. Однако замечание Стива заставило меня остановиться и признать, что он смотрит на вещи более зрело. Это потрясло меня.

По правде говоря, мышление в категориях холодной войны занимало существенную часть моей собственной жизни, хотя и негласно. Мой отец был сотрудником «Сильвании» – компании, которая выполняла значительный объем заказов для Министерства обороны. Ввиду тех ограничений, которые накладывала на отца его работа (она была связана с засекреченными данными), мы просто не обсуждали политические вопросы и отношения США с другими странами за обеденным столом. И все это несмотря на то, что именно благодаря его работе в спецслужбах мы могли вести жизнь типичных представителей высшего среднего класса. В каждом штате, где мы жили, представители правительственных структур опрашивали всех наших соседей, чтобы мой отец мог оставить право доступа к секретным работам и документам на прежнем уровне или повысить его. Я счастливо не осознавала последствий всего этого в моей жизни. Однако я была убеждена, что восприятие Стивом холодной войны характеризовало его как наивного.

Тем не менее я любила эту мальчишескую сущность Стива. Его умственные способности и проявления его глупости насыщали меня, как ничто иное. В свои семнадцать лет он любил имитировать роботов, которых создавали в пятидесятые годы: он резко заливался смехом, как непослушный ребенок, а затем превращался в структурированное металлическое существо, реагирующее на команды вымышленного центра управления вне пределов его сознания. С вытянутыми вперед руками, как у чудовища Франкенштейна, он неуклюже шел прямо, переступая с одной ноги на другую, и монотонно бубнил указания, якобы полученные из командного центра. Однажды он забежал на кухню, поднял трубку телефонного аппарата, нажал на клавишу со знаком «решетка» и сказал мне, что только что взорвал мир.

Стив зачастую по-детски относился к повседневным вопросам, однако в его словах чувствовалась горечь взрослого человека, когда он ни с того ни с сего рассказал мне, как узнал, что Санта-Клауса не существует. «Я был очень зол из-за того, что они вралли мне». Он повторял это время от времени, и каждый раз я видела, что он все еще не простил и продолжает хранить обиду за нанесенное унижение. Для Стива уязвимость детства заключалась не в том, чтобы на время сознательно отбросить сомнения, а в необходимости разобраться в фактах и подлинных принципах устройства вещей. Здесь мы с ним тоже были очень разные, поскольку я всегда жаждала волшебства и ценила его. Именно поэтому я любила Стива.

Глава 3

Расцвет экспериментов в ритме буги

Территория высшей школы, должно быть, воспринималась мною со Стивом как второй дом. Это единственная причина, которая приходит мне в голову, чтобы объяснить наше решение принять ЛСД на территории кампуса Хоумстед. Видимо, мы были простодушны, самоуверенны и верили, что это хорошая идея. Однако к нашей чести следует заметить, что его огромная территория находилась далеко от центральной улицы и была благословенно безлюдной по субботам.

Я не помню, как именно мы достали ЛСД, однако я почти уверена, что его раздобыла именно я, поскольку Стив никогда раньше не принимал кислоту. Я вспоминаю, как я вынула из кармана две завернутые дозы и показала их Стиву, думая, что мы разделим одну на двоих. Однако это было не то, что мы оба хотели, и мы проглотили по целой, хоть и довольно небольшой, дозе. И затем начали ждать.

Мы сидели на лестничной клетке под перилами двухэтажного здания гуманитарного факультета в волнительном ожидании. По крайней мере, я чувствовала волнение. Стив впервые принимал ЛСД, и, хотя он много прочел о последствиях, он казался испуганным, пока мы ждали наступления эффекта. Вдруг совершенно неожиданно он начал говорить мне, что я должна буду сказать ему «не важничать», если он начнет «вести себя импульсивно». Слово «важничать» было таким шекспировским, гиперболизированным, но при этом величественным. Однако затем он сказал, что хочет, чтобы я потренировалась произносить фразу «не важничай», чтобы быть готовой справиться с «этим». *Быть готовой к чему?* Я не имела ни малейшего представления, о чем он говорит. Все это было странно и приводило меня в смятение. Однако он проявил крайнюю настойчивость, и я согласилась.

– Не важничай, – сказала я.

– Нет. Ты должна произнести это более убедительно, – говорил он с абсолютной серьезностью.

– Хорошо, – ответила я. – Хм-хм... А НУ ПРЕКРАЩАЙ важничать.

Это тоже не произвело на него должного впечатления.

– НЕТ, – Стив повысил голос. Он постепенно терял терпение, однако пытался быть вежливым. – Попробуй снова. Это очень важно. Ты не сможешь остановить меня, если не будешь сильнее.

– *Остановить что?* – я с тревогой рассмеялась. Все это выходило уже за все возможные рамки.

После моей третьей попытки он встал и снова повторил свою фразу, старательно пытаясь объяснить мне, как именно я должна ее сказать:

– Нет! Ты должна произнести эти слова вот так, приложи больше усилий! – Затем он вытянул руку и крикнул: – НЕ ВАЖНИЧАЙ.

Мой бог. Я старалась, как могла, однако все это казалось настолько уморительным, что я расхохоталась. Но Стив не смеялся, лишь смотрел на меня и повторял:

– Говори так, будто ты действительно имеешь это в виду. – Он нахмурил брови: – Ну давай, произнеси эту фразу.

Пытаясь, как могла, я вскоре начала смеяться так сильно, что не могла произнести ни слова с необходимой долей убеждения. Мои попытки не приводили к улучшению ситуации. Наоборот, чем дальше – тем становилось хуже.

Добродушие Стива лишало меня дара речи. Это чувство лишь усиливалось из-за той серьезности, с какой он воспринимал проблему, которую я, по всей видимости, не осозна-

вала. Мне было интересно, как мы собираемся преодолеть разногласия, когда я поняла, что ЛСД уже начал действовать.

– Хей, оно работает! – прокричала я. – Ты в порядке!

Много лет спустя я навестила Стива после того, как он женился. Нашей дочери Лизе было около тринадцати лет, а сын Стива Рид был еще совсем малюткой. Мы все стояли снаружи его дома в Пало-Альто и собирались отправиться на прогулку, когда без всякого предупреждения Стив со скоростью пулемета начал выкрикивать в мой адрес самые обидные, нелепые и ужасные замечания. Это оказалось очень неожиданно и неприятно. Он говорил что-то о том, почему я полное ничтожество как человек. От изумления я опешила. Не важно, как много раз ты сталкивался с таким поведением, к нему никогда нельзя быть готовым. Я притихла, но жена Стива Лорен приказала ему прекратить. Даже она была возмущена таким его поведением по отношению ко мне. Вспоминая тот день, когда Стив впервые принял ЛСД, я думаю – боялся ли он именно этого? Он, должно быть, знал, что способен на такие вспышки гнева, схожие с проявлениями синдрома Туррета. Сегодня я осознаю, что он прекрасно понимал, что способен на такие выходки, и пытался тогда их скрывать, и это разбивает мне сердце.

Однако в тот день много лет назад Стив понял, что ничего ужасного произойти не должно, и погрузился в своего рода нирвану, перестав беспокоиться по пустякам. Мы провели следующие девять часов, играя, разговаривая, изучая лица друг друга, то смеясь, то снова становясь серьезными. Он шутил о себе и обо мне. Заставлял меня смеяться. Заставлял меня задуматься. Это было роскошно. Мы находились под ЛСД и в состоянии такой любви, что все мерцало и вибрировало. Наши поцелуи казались мокрыми и неестественными, и затем мы мгновенно сливались друг с другом. Все расплывалось в розовых цветах. Мы касались век друг друга, чтобы понять новые ощущения. Скрывать было нечего. Никакого страха, никаких барьеров, даже никакого восприятия времени, пока солнце медленно плыло по небу. Такое блаженство длилось до тех пор, пока наши желудки громко не заурчали ближе к концу дня, и мы поняли, что не ели весь день и умираем от голода. Затем нас ждало еще одно приключение: мы отправились от базового лагеря гуманитарного факультета до ближайшего фруктового сада на углу Стеллинг и Хоумстеда (к сожалению, его там больше нет), чтобы нарвать абрикосов – единственную пищу, которую мы ели тогда. И этого было достаточно.

В тот день мы занимались различной ерундой, которой занимаются обычно новые любовники, и больше ничего не делали. Вечером, когда эффект от ЛСД начал спадать, мы разошлись по домам. В следующий понедельник в школе Стив сказал мне с огромным возбуждением, что в результате приема ЛСД он мог чувствовать содержимое своего желудка. Важность этого для него была выше моего понимания.

После того как мы первый раз попробовали кислоту, Стив принял еще одну дозу с кем-то из своих друзей в парке развлечений в Санта-Круз. Он сказал мне, что ему было очень забавно и что он хочет снова повторить это со мной. Я думаю, что ему понравилось кататься на колесе обозрения в состоянии, отличном от обычного, и смотреть на людей внизу и на огромный океан под лунным небом. Я изначально негативно отнеслась к этой идее и теперь могу сказать абсолютно точно, что нет ничего хуже, чем употреблять ЛСД в парке развлечений. Я была испугана, когда смотрела на крупные лица людей из толпы, находясь в ненормальном состоянии из-за громких звуков и вспышек света. Единственное, чего мне хотелось, – это спрятаться в каком-нибудь укромном месте и дожидаться, пока все пройдет. Мы все же решили прокатиться на колесе, однако я была настолько испугана, что крепко схватилась и держалась за Стива, молясь, чтобы все это поскорее закончилось. Это оказалась самая долгая поездка на колесе обозрения в моей жизни.

Стив и я решили покинуть парк развлечений, однако он не обращал внимания на свое состояние и на тот факт, что не сможет в нем вести машину. Так что меня в прямом смысле стошнило на дверь его автомобиля, и он прекратил свои попытки. После этого мы отправились обратно в парк развлечений. Мы сидели на песке, часами смотрели друг на друга, смеялись и ожидали наступления вечера, чтобы эффект ЛСД спал до такой степени, чтобы мы могли спокойно и безопасно поехать домой.

Именно там, в момент страдания фигней и познания наших истинных «я», смотря на его добродушное, улыбающееся лицо, я поняла, насколько сильно и невинно я была влюблена в Стива, а он в меня. Эти чувства не походили ни на что иное, что я испытывала раньше. Время летело с невероятной скоростью. Я с трудом могла говорить, река жизни бежала сквозь нас настолько быстро, что я не могла подобрать нужных слов. Мы просто смотрели друг другу в глаза, а Стив рассказывал различные анекдоты. Все это продолжалось до тех пор, пока я не сказала ему, что чувствую себя лучше. Мы пошли по побережью в сторону севера и наткнулись на огромный берег пляжа. Там, на достаточном расстоянии от воды, чтобы волны не мешали нашему сну, мы разложили спальные мешки и легли, прижавшись друг к другу. Стив вскоре уснул, свернувшись калачиком рядом со мной. Мне же это никак не удавалось: я лежала с открытыми глазами, ощущая умиротворение от шума его дыхания и волн.

Тогда у меня случилось одно из наиболее сильных и длительных видений в жизни. В момент, когда эффект от принятия ЛСД начал постепенно исчезать (это самая лучшая часть в приеме кислоты, поскольку весь стресс пропадает, а обычное дыхание становится истинной, изумительной радостью), у меня произошло очень осознанное видение. Я увидела прозрачные, наполненные светом колокола, которые на высоте миллиардов миль дружно распространяли свой звон по вселенной. Слушая и наблюдая часами за этими колокольнями неба, чей звук проходил сквозь мое тело всякий раз, когда волны разбивались о берег, я видела, что цвет и звук были одной огромной сплошной средой. Если раньше я разделяла мои ощущения на чувства, то после той ночи я обычно видела звук, слышала цвет, воспринимала цвет, форму и звук как одно большое единое целое. Я полагала, что это видение колоколов пришло из наших сознаний, слившихся воедино. Я все еще так думаю.

Прием ЛСД подобен восхождению на вершину горы, где тебе открывается новое мировоззрение, способное изменить твою жизнь. И когда оно тебе открылось, оно тебя уже никогда не покидает (а если и покидает, то лишь потому, что ты выходишь за его рамки или нечто более сногшибательное вытесняет его). Приняв ЛСД, ты даже не подозреваешь, что вся твоя жизнь перестроилась вокруг этих подобных вспышкам откровений разума. С озарением дело всегда обстоит именно так. Требуется много лет, чтобы это понять. Если ты используешь открывшееся знание, не преследуя своего рода священную цель, то положительного результата достигнуть не удастся. Однако если ты используешь новую информацию с уважением, ты можешь получить доступ к такой области потенциала, которая еще не изучена в мире. Это своего рода подарок богов, фактор, изменяющий правила игры и открывающий двери к жизненным представлениям, которые больше никогда не закрываются. Попросту говоря, озарение может изменить судьбу человека.

Что Стив извлек из него? Я не знаю. Могло ли оно превращать обычных людей в джедаев? Это мне тоже неизвестно. Я думаю, что оно может дать хороший религиозный опыт, но не является заменой духовной практики. Позже Стив публично говорил о великолепном эффекте ЛСД, и у меня возникло впечатление, что он считал, будто прием кислоты оказал существенное влияние на формирование его личности. Однако я не думаю, чтобы кто-либо из нас двоих принимал кислоту после достижения девятнадцати или двадцати лет, когда началась взрослая жизнь.

Я более чем уверена, что широкое употребление ЛСД являлось частью реакции на фактор существования ядерного оружия. Хотя Рам Дасс позже сказал, что мы могли достичь более продвинутого душевного состояния с помощью медитации (эффект продолжительнее и стабильнее, чем под наркотиком), я считаю, что употребление ЛСД в значительной мере соответствовало духу того времени и являлось частью очень сильного стремления открыть миру новое мировоззрение, основанное на жизни, а не на смерти. И хотя с высоты сегодняшних дней движения 60–70-х годов могут показаться весьма наивными, они, тем не менее, оказали существенное влияние на становление Америки как сложно устроенного современного государства, которое мы имеем сегодня.

На встречах тренировочных групп мужчины могли заплакать; представители обоих полов менялись ролями для более достоверной передачи опыта в реальной жизни и в отношениях. Там самые обычные люди собирались в группы всех мастей – так, как это было бы в более гуманной вселенной. Это был итеративный процесс, который черпал свою силу в людях и набирал обороты. Он создал новые системы мысли, мировоззрения, искусства и технологии, которые были предназначены для открытия новых горизонтов: феминизм, партия черных пантер, движение за развитие человеческого потенциала, проект по борьбе с голодом, мюзикл «Волосы». Хантер Томпсон превосходно подобрал боевой клич для описания тех времен: «Когда бытие становится странным, странность превращается в систему», имея в виду, что каждый был способен изменить ситуацию к лучшему при условии обладания необходимой отвагой, умственными способностями и волей, чтобы это сделать. Многие действительно меняли мир к лучшему.

* * *

Стив прочел книгу Артура Янова «Первичный крик» и объяснил мне, как одновременно ЛСД и терапия первичного крика выпускают наружу и помогают избавиться от накопленных за период детства негативных чувств и воспоминаний. «Если нас преследуют наши глубочайшие, неудовлетворенные потребности, – сказал он мне, – мы можем освободиться от эмоций, которым не даем выйти наружу, и жить более полной жизнью. Каждый на это способен». Он рассказал, что Янов изобрел методологию терапии первичной боли, поскольку одного из его пациентов преследовали воспоминания о том, что он однажды увидел в театре. По сцене ходил молодой человек, обернутый в пеленки, и истошно кричал: «Мама! Папа!» Он выкрикивал эти слова во всю недюжинную силу своих легких до тех пор, пока его в самом деле не стошнило прямо на сцене.

Постепенно логика избавления от накопленных негативных чувств и воспоминаний становилась мне понятной, и я разобралась в той картине, которую описывал Стив. В духе идей Янова он говорил, что поток галлюцинаций, вызываемых ЛСД, является результатом той скорости, с которой наш организм выплескивает негативные воспоминания наружу сквозь своего рода биопсихологический механизм, расположенный в костном мозге в задней части черепа. Я представила себе пар от кипящего чайника, который струится сквозь мозговую ткань, создавая сначала небольшую дырку, затем побольше, и преобразует состояние психоэмоционального напряжения в изображения, затем растворяющиеся в воздухе. «Если в случае приема ЛСД, – говорил Стив, – состояние психоэмоционального напряжения всегда возвращается, то после первичной родовой терапии ты полностью проходишь через него и освобождаешься раз и навсегда».

Стив неоднократно рассуждал об идеях Янова о том, как матери и отцы, не любившие своих детей – и бросавшие их в ряде случаев, – способствовали появлению и воспроизведению моделей негативных воспоминаний. Я внимательно слушала его и наблюдала за ним, когда он заводил разговор на эту тему. Делал Стив это довольно часто. Создавалось

впечатление, будто эти разговоры были неким богослужением, а он – шаманом, прославляющим, создающим и подробно излагающим мощную идею путем постоянных тренировок. Постулат, что в действительности возможно восстановить священную чистоту, что все может снова обрести целостность, со временем прочно вошел в мое подсознание и изменил мои основополагающие представления раз и навсегда. Я думаю, что с помощью родовой терапии Стив, вероятно, надеялся восстановить то, что было утрачено в результате его усыновления. Для меня это также оказалась заразительная идея, дававшая мне доступ к моим собственным огромным возможностям. Сам по себе «потенциал» был эстетикой нашего времени.

Стив раньше других осознал, что еда может играть существенную роль в правильном использовании человеческого потенциала, выходе из состояния психоэмоционального напряжения и развитии умственных способностей. Из книги Арнольда Эрета «Целебная система бесслизистой диеты» он почерпнул ряд идей, которые затем активно использовал для поддержания хорошего здоровья долгие годы. Книга Эрета представляет собой одно из причудливых произведений, написанных в начале XX века странным парнем, работы которого до сих пор пользуются относительной популярностью. На самом деле Эрета можно считать одним из отцов-основателей современных движений, пропагандирующих пользу сыроедения и употребления продуктов, обладающих большой концентрацией полезных веществ. Эрет исходил из того, что с помощью бесслизистой диеты люди могут освободиться от эмоциональных препятствий в их телах и открыть для себя более высокие уровни физической, эмоциональной, умственной и духовной чистоты и целостности. Стив часто рассказывал об идее Эрета о том, как вылечиться: она состояла в том, чтобы прекратить есть мясо, сыр и сахар. Он объяснял мне, что исцеление является врожденной чертой нашего организма и что просто необходимо перестать есть «вредную» пищу. Стив говорил мне, что, «когда питаешься натуральной пищей, например, яблоками или салатом, твой организм знает, когда он насыщен. Однако в случае приема низкокачественной пищи тело не получает необходимой информации о поступающих в организм питательных веществах и не может дать сигнал о том, что необходимо прекращать прием пищи». Мне понравилось это объяснение, которое я сочла чрезвычайно ценной информацией.

Стив также умел объяснить и другие происходящие в организме процессы. За год до того, как я повстречала его, я открыла для себя кофе, что буквально изменило мою жизнь, потому что кофеин помогал мне сосредотачиваться. Благодаря этому я преодолела детский СДВГ⁴ и дислексию, из-за которых не могла читать более двадцати минут за один присест. Хотя я и не рассказывала об этом Стиву, он объяснил мне, что доктора дают чересчур активным детям амфетамины, чтобы перегрузить их нервную систему, благодаря чему они могли бы успокоиться. Про себя я подумала, что *именно по этой причине кофеин помогает мне сосредоточиться во время чтения*. Мне было очень стыдно признаться ему, что до появления кофеина в моей жизни я не могла нормально читать. Однако я в очередной раз восхитилась тем, как он ответил на этот вопрос. Позже я поинтересовалась у доктора, правильно ли Стив понял суть процесса. Доктор посмотрел на меня со своеобразным удивлением, какое могут изобразить все доктора, но сказал, что Стив был прав, по крайней мере, частично.

Стив был запрограммирован на решение задач. Частенько он объяснял мне суть проблемы, а затем показывал путь ее решения. Не специально, для него это было скорее привычкой. Я восторгалась тем, как он мог найти пути выхода из ситуации и как ловко соотносил их с моим миром. В те времена казалось, что он обладает целым набором идей о пище,

⁴ СДВГ – синдром дефицита внимания и гиперактивности; неврологическо-поведенческое расстройство развития, начинающееся в детском возрасте. Проявляется такими симптомами, как трудности концентрации внимания, гиперактивность и плохо управляемая импульсивность.

медицинском лечении, затруднениях при обучении, терапиях и идей, которые помогут ему открыть возможности вселенной. Сегодня я думаю, он был близок к тому, что обычно называется философской системой законов природы. Тем не менее тогда мне было интересно, не являлся ли он чуточку наивным дурачком, и я задавалась вопросом, не более ли сложны ответы, чем он допускал. Однако Стив искал элегантность в простоте.

Я помню, как он однажды объяснил мне, каким образом в одной из песен Боба Дилана рассматривается проблема злоупотребления властью на мировом уровне. Он говорил о том, как богатые и сильные мира сего создают условия, чтобы поддерживать людей в перегруженном состоянии, заставляя их тяжело работать, быть бедными, разжигать хаотические войны, чтобы отвлечь их внимание от того, что действительно саботирует их жизни. Я вспоминаю, насколько спокоен был Стив, когда говорил мне, что накопление богатства элит и формирование их рычагов власти происходят за счет наиболее обездоленных. Это утверждение существенно повлияло на меня, не только потому, что я всегда хотела понять, как работает механизм злоупотребления властью, но еще и потому, что он был так серьезно логичен и честен, когда говорил это.

Однако какими бы глубокими и проницательными ни являлись суждения Стива, они также могли быть и тревожно негативными. Однажды я встретила его на том же самом месте, где впервые увидела несколько месяцев тому назад. Он шел с урока естествознания и описывал эксперименты с лабораторными крысами, с которыми ознакомился в материалах по поведенческим тестам. «Если ты показываешь крысе лишь позитивную реакцию, – говорил он, – то крыса понимает суть трюка. Если лишь негативную ответную реакцию, она понимает суть трюка. Но если твоя реакция на ее действия будет одновременно позитивной и негативной, то она сойдет с ума!» На его лице была мрачная ухмылка. Казалось, он хорошо усвоил эту информацию и намеревался позже ею воспользоваться.

* * *

Мир Стива не был похож на мой. Он представлял собой смесь из творчества Боба Дилана и Джона Леннона, произведений Шекспира, науки, математики и отличных от тех, с которыми была знакома я, видов психологии. Меня же увлекали научная фантастика и магический реализм. Я внимательно изучала яркие сцены парящих людей, свадеб, поселений, раввинов и животных на картинах Шагала. Мне нравился глубокий золотой резонанс и житейский социальный реализм работ Рембрандта и эмоциональная честность, отраженная в российской живописи XIX века. Я слушала Джефферсона Старшипа, «Джетро Талл», Леонарда Коэна, Джони Митчелл, электрическую скрипку в оркестре Махавишну и – как и Стив – Джона Леннона.

Стив познакомил меня также с поэзией битников. Он изучал их творчество и их оригинальный стиль. В нем тоже пробивался свет того времени – ясная, стильная утонченность симпатичного шамана/поэта/компьютерного фаната. Это была тонкая проволока, которая вибрировала сквозь центр его существования, определенный ритм в его словах, юморе, идеях. Я уверена, что через Стива эстетика битников помогла сформировать будущее эстетики Apple.

Я уж точно была чистым, нетронутым созданием, когда мы начали наши отношения, но Стив посеял в моем сознании много идей, которые расширили его. Однажды он поделился со мной мнением, что Шекспир не сам был таким гениальным, а что его кто-то просветил. Просветил? Употреблять это восточное по происхождению слово по отношению к западноевропейскому литературному гению? Я засмеялась, так как эта идея показалась мне несуразной. Но Стив верил, что все именно так. Некоторые из его идей прочно оседали в

моем сознании и не уходили оттуда до тех пор, пока через много лет я не понимала, что он имел в виду. Сегодня я разделяю его позицию относительно Шекспира.

Идея просветления интересовала многих, сознательно или нет. Вся наша высшая школа была маленькой благодатной почвой, плодами которой являлись творческие студенты и учителя, многие из них стремились начать новую блестящую дискуссию, основанную на блестящих новых ценностях. Семь лет спустя после окончания старшей школы я разговаривала с журналистом *Time* Майклом Морицем, который сказал мне, что он брал интервью у учителей Хоумстеда и спрашивал их о Стиве и Возняке. Не согласовывая свои ответы друг с другом заранее, многие из преподавателей отмечали, что в период 1967–1974 годов наблюдался аномальный расцвет творчества, настоящий расцвет экспериментирования в ритме буги. И затем в один день без всякого предупреждения все исчезло. Закончилось. Пропало. Прекратило свое существование. По описанию Морица учителя были потрясены, спрашивая друг друга: «Что сейчас произошло? Куда все это делось?»

Мне кажется, что вся эта взрывоопасная культурная магма выродилась в холодную и пресную упорядоченную схему микроскопического компьютерного чипа – получился рациональный ответ на создание социальной сложности, организации, связей. Мир нуждался в переменах и более высоком уровне организации бытия. Он призывал не только к новой науке и технологии, но и к новым законам, чтобы совладать с ними, а также к новым типам искусства и музыки, чтобы их символизировать. На самом деле к новым типам всего, чтобы объединить новые уровни ответственности и любви. И мы были частью этого нового этапа.

В конце моего первого года обучения в старшей школе руководство Хоумстеда решило отремонтировать кампус и внести изменения в его внешний вид, которые, казалось, были направлены на то, чтобы подавить ту особую креативность, которую мы олицетворяли. Небольшие, покрытые травой участки один за другим заливались цементом. Как я сейчас вспоминаю, позже они были выкрашены в бледно-зеленый цвет. Во дворе установили прожекторное освещение. Вокруг всей территории кампуса возвели восьмифутовое ограждение. Год спустя после того, как я ушла из школы, шлакобетонные блоки были покрыты удушливой, желтоватой эмалью. Возможно, это делалось в интересах защиты и сокращения расходов, однако казалось, что школа была перепроектирована для контроля над учениками. Наше время пришло и ушло, а вместе с ним и уникальная культура. Теперь, однако, тридцать лет спустя, я должна признать, что школа выглядит чрезвычайно красиво. Вещи меняются. У нового поколения детей в Хоумстеде иные цели – вот что я вижу и чувствую. И эти дети также добрее и сердечнее, чем мы в свое время.

Оглядываясь сегодня в прошлое, я вспоминаю, как мы были со Стивом близки и как много времени проводили вместе. Как и все молодые пары, мы ходили в кино. Мы смотрели фильмы Франсуа Трюффо, Феллини, Чарли Чаплина, Вуди Аллена и других – картины о Бобе Дилане, Джоне Ленноне, Лени Брюсе, Вуди Гатри, все по настоянию Стива. Его романтическая натура особенно любила ленты Трюффо «Жюль и Джим» и Марселя Карне «Дети». И хотя я была очарована художественным языком этих фильмов, боюсь, что я не понимала всей глубины драматического действия. После просмотра обоих оставалось ужасное послевкусие опустошительной романтической потери, которая не была подвластна моему пониманию. Лишь много лет спустя, в 1988 году, когда я посмотрела «Загадку» Каспара Хаузера, я впервые в жизни действительно испытала истинную разрушительную силу собственных чувств в своей личной драме, в своей постановке. Выходя из кино после просмотра этого фильма, я ощутила, словно иду по дну океана. Я думаю, что Стив испытывал похожие чувства. К сожалению, это не единственный случай, когда я полностью понимала чувства Стива лишь долгое время спустя.

То, какое влияние на Стива может оказать отдельный фильм, стало мне понятно после того, как однажды ночью мы пошли в кинотеатр Camera One в Сан-Хосе. Показывали доку-

ментальную ленту 1967 года «Не смотри назад», посвященную Бобу Дилану, и я помню, что в один момент я переключила свое внимание с фильма на Стива, поскольку его энергия чувствовалась настолько сильно, что мне казалось, будто через мое тело проходит высокий заряд электричества. Основной идеей фильма было сравнение Дилана с другим современным певцом в стиле фолк, Донованом. Ассоциируя себя, как и Стив, с музыкальным превосходством и успехом Дилана, я видела, как близко к сердцу он принимал победу в этом соревновании. Я осознала это, увидев, как его помрачневшее, обуреваемое злостью лицо выражало безжалостное презрение к «менее талантливому» Доновану. Это произвело на меня неизгладимое впечатление.

Глава 4 Самозванец

В Хоумстеде в 70-е годы учились люди разного типа. Среди них были музыканты и актеры, неглупые люди и любители покурить травку. Фотографы. Подростки, изучающие английскую литературу и увлекающиеся различными видами искусства. Среди них были те, кого, как и меня, интересовало высокое искусство, а также аниматоры и специалисты по керамике. В Хоумстеде имелись, конечно, свои ученые и ботаники, а также группа парней, разъезжавших на мотоциклах и носивших кожаные куртки «Харлей-Дэвидсон». Но мы звали их «крутые милахи», потому что они были очень хорошими парнями. Там также имелись дети, бывшие сами собой. Их тяжело причислить к какой-либо группе.

Ученики в Хоумстеде пересекались в своих классах. Так произошло со мной и Стивом: наши различные миры сошлись. Его друзья были странными и умными, яркими личностями и озорниками. Они всегда находили пути, как обойти правила, по которым живут другие. Для них также была характерна верность, словно они члены элитной банды воров. (Мои друзья отличались. Мы не нуждались в двойном видении, которого требовало чистое лицемерие.)

Стив обладал той интеллектуальной честностью, какую можно найти в очень ярких людях, свыкшихся с тем, что живут в мире, не являющемся таким замечательным, как кажется. Очередное качество в духе Авраама Линкольна. Но, несмотря на то, что он оставался верен себе в столь многих поразительных отношениях, он также был странным и отрешенным от мира. Основу его личности составляла смесь из гениальности, конгруэнтности и эмоциональной безжизненности. Безжизненность как у Пиноккио, причем не из диснеевской версии истории этого персонажа, а из чего-то гораздо более древнего, из сказки о лишенном матери, заколдованном мальчике. Настоящие парни были знакомы с вещами, которых он не знал. Любовь своей биологической матери, например. Гордость своего биологического отца. Чем зарабатывал его отец на жизнь? Тем, что другие не считали чем-то особенным.

Некоторые его качества расстраивали меня и заставляли чувствовать себя неловко. В свои семнадцать лет я не обладала необходимым жизненным опытом, чтобы знать, что напускная сентиментальность может быть уязвима безразличием и безжалостностью. Однако я могла это чувствовать. Его излюбленная фраза, которую он часто повторял, что он – «самозванец», свидетельствовала о том, что где-то внутри он понимает суть проблемы. Мои чувства к нему варьировались в диапазоне от «глубоко тронута» до «абсолютно отдалена». Не обладая в тот момент времени большей информацией, я спрашивала, а не было ли что-то не так со мной, и внимательно изучала нашу дружбу на предмет того, что в нас обоих есть, а чего нет – поскольку именно этим и занимаются подростки.

То были времена расщепления атома, научного аспекта, способствовавшего развитию компьютерной отрасли. Стив был дитя своего времени, выдающееся дитя, которое научилось творить вопреки – или скорее вследствие – огромной бездны в своей внутренней жизни. В те времена я, конечно, не мыслила такими понятиями.

Стив придумал себе имя Оаф Тоабар. Как он рассказал, Оаф было тайным именем, и мне не следовало никому о нем говорить. Это можно было рассматривать как нежное выражение уязвимости и откровенной странности, хотя его неотесанность не казалась мне таким уж привлекательным качеством. Он подписывал свои послания «С любовью, Оаф». И, как и записка, подsunутая под дверь, это имя заставляло меня задуматься о его скрытом чувстве идентичности. Стив нередко прикидывался простачком и смеялся над собой: именно поэтому ему нравились психологические комплексы персонажей из фильмов Вуди Аллена.

Однако природа чувства неловкости Стива давала дорогу другому уровню пронизательности. Стив был магом: как будто по мановению волшебной палочки он превращался из стеснительного, неуверенного в себе юноши в неуязвимого мужчину с высокой самооценкой. Одним ловким движением рук. Но мне такое поведение казалось слегка подозрительным. Я понимала, что испытываю чувство дискомфорта от ложной близости, когда он велел мне никому не рассказывать о его тайном имени. (Намного позже я узнала, что это было кодовое имя, которое он использовал для обозначения себя в теневом бизнесе с Возняком по продаже «синих коробочек»⁵.)

Однажды, на начальном этапе наших отношений, я увидела, как Стив одиноко стоял в сторонке, приняв при этом такую странную позу, что я даже подумала, уж не обманывают ли меня глаза. Эта черта в нем не была заметна, когда он оживленно разговаривал с другими людьми. Однако, столкнувшись с ней несколько раз в течение последующих месяцев, я точно знала, что вижу его иную сторону. Когда Стив был наедине с собой, его осанка иногда становилась как у сумасшедшего калеки. Стоя или облачаясь о стену, он держался неустойчиво и сутулился, согнув одно из своих костлявых колен. Его голова была опущена, и он выглядывал одним глазом из-под копны волос. Стив мог стоять под ярким солнечным светом, но его угловатая поза отбрасывала острые тени. Гул отвратительной темноты собирался вокруг него в эти моменты, оставляя безошибочное впечатление опустошающей пустоты. Эмоциональный голод в нем пронзал меня насквозь.

Я помню, что в те времена к числу его друзей принадлежала девушка, которая имела твердый характер, была остроумной, не то чтобы очень милой, но очень хладнокровной, красивой и впечатляющей. Эта девушка ставила перед Стивом сложные задачи, причем такими методами, которые, казалось, были вне пределов моего понимания и заставляли меня сесть и задуматься. Я думаю, что она увидела в нем нечто, что, как ей казалось, она должна была выпустить наружу. По-своему властная, она заставляла его проявлять храбрость путем выполнения задач, нежелательных по общественным меркам.

Странные запросы девушки вызывали у меня чувство неловкости. Создавалось впечатление, что еще вот-вот, и она скажет: «А теперь, моя марионетка...» Я помню, как она подсаживалась к нему и шептала новую идею: «Вот что я хочу, чтобы ты сделал». Она всегда начинала таким образом. «Теперь я хочу, чтобы ты сделал». Стив попал под ее очарование. Когда он готовился решать новые задачи, поставленные ею, новый ритм, казалось, пропитывал все его тело. Он стремился использовать любой малейший шанс, чтобы заслужить ее одобрение.

Стив не мог отступить, она этого не позволяла. Однажды он попытался, и я видела, как она упорно продолжает стоять на своем, оказывает ему сопротивление и настаивает, чтобы он выполнил ее требования. Я подозреваю, что его притягивала сила ее характера. Я не ревновала к ней, однако чувствовала неловкость от того, как она с ним говорила и что заставляла его делать. Задачи, которые она перед ним ставила, были одновременно и забавны, и не очень. Сейчас я не вспомню большинство из них, но однажды она заставила его испортить воздух в присутствии пятидесяти людей, чтобы получить билеты на театральное представление в Сан-Франциско. Она попросила, и он это сделал. После этого мне все стало понятно: целью этих требований было заставить неуклюжего парнишку раскрыть свой истинный безмерный потенциал. В сравнении с ней и ее властью над ним я, должно быть, казалась мошкой.

Еще один из его друзей – назовем его Лью – был высоким, худым парнем евроазиатского происхождения. Он выглядел слегка навеселе, словно сошел с картины Поля Клее. В дружбе этих двух высоких парней было что-то необычное, лирическое, уникальное в их

⁵ Синие коробочки – устройства, позволяющие совершать бесплатные телефонные звонки по междугородной связи.

добродушии и уважении друг к другу. Стив рассказал мне, что Лью после окончания высшей школы хочет стать водителем такси в Сан-Франциско, чтобы изучить улицы города. Я была восхищена этой идеей и тем, как он намеревался, как мне тогда казалось, ранжировать свои цели, одну поверх другой. Для него все было просто: получать доход и при этом изучать улицы города, словно он был одновременно водителем такси и тайным агентом. План Лью навел меня на мысль о творческом принципе организации сложных процессов. Я никогда раньше не рассматривала возможность решения нескольких задач в ходе одного действия, подобного вышеописанному. Это может показаться глупым – ведь именно так все сейчас и поступают, – однако то, как Лью совмещал достижение нескольких целей, служило предвестником создания многофункционального устройства. Как смартфон, который является одновременно и фотоаппаратом, и записной книжкой, и всем на свете. Для меня как для художника эта идея казалась захватывающей и генеративной. Рассказ Стива и Лью приоткрыл для меня завесу тайны и позволил немного узнать о содержании их разговоров, участвовать в которых мне не разрешалось. Я уверена, что Стив поведал мне об этом лишь потому, что эта идея его приятеля заставляла его самого глубоко задуматься.

Однажды Стив сказал мне, что отец Лью пьет и бьет своего сына. Стив всегда придавал большое значение тому факту, что его родители никогда не давали ему подзатыльников или каким-либо образом не били. Я опять-таки считаю, что данное обстоятельство имело важное значение для Стива, поскольку нечто схожее с историей Лью, видимо, произошло с Полом, отцом Стива.

Складывалось впечатление, что ситуация с Лью оказала гигантское влияние на Стива. Она превратила его в нечто, подобное целителю. За все время моего знакомства со Стивом я довольно редко видела его в этой роли. Однако у него открывались огромные способности к проявлению сочувствия, когда дело касалось жизненных историй мужчин. Я думаю, что Стив и Лью вместе признавали реальность мужской жестокости, и это ужасное осознание скрепляло их братство.

* * *

Моим лучшим другом в высшей школе была Лора Шюлер. Танцовщица, музыкант, поэт, у нее было красивое детское лицо. Она также выделялась из толпы – возможно, потому что, как и я, страдала дислексией. Мы вместе проводили время на природе, в абрикосовых садах, которые в те дни обильно цвели на нашей территории, и на холме за зданием семинарии Святого Иосифа недалеко от ее дома. Вместе мы учились играть сначала на блок-флейте, позже на обычной флейте. В нашем репертуаре были народные песни, баллады, произведения Бетховена, Баха и песня Джона Леннона «Oh My Love», которую тот написал после прохождения терапии первичного крика вместе с Йоко Оно. Доброта этой простой песни затрагивала нечто важное во мне; она предлагала ту эмоциональную близость, которую я очень сильно хотела познать с женщиной.

Лора была не рада моим отношениям со Стивом, и не только потому, что я проводила с ним большое количество времени. Стив относился к ней пренебрежительно, и она негодовала по этому поводу. Лора помнит, как я однажды прибежала и сказала ей, что Стив и его друг Воз занимаются изготовлением «синих коробочек». По ее словам, я кричала, что «Стив – ге-е-ений». Я отчасти помню этот эпизод и могу описать реакцию Лоры. Никакого восторга. В глазах – разочарование.

Здесь необходимо рассказать о Стиве Возняке. Воз. Когда бы Стив и Воз ни встречались, они вели себя как восторженные дети. Они были настолько поражены своими открытиями и прорывами, настолько возбуждены, что в прямом смысле слова прыгали друг вокруг друга, гоготали, истерически повизгивали и громко смеялись. Их звуки действовали мне на

нервы даже хуже, чем скрежет ногтей по классной доске. Своим шумом они выгоняли меня из гаража, и я старалась оказаться как можно быстрее вне пределов слышимости – настолько ужасен был их гам.

Воз не любил делиться со мной Стивом. Вероятнее всего, они оба предпочитали, чтобы я не мешалась под ногами, когда они работали. Но на самом деле это не было проблемой, равно как и тот дух гениальности, который они разделяли в своей взрывной радости. Нет, что-то иное так сильно действовало на мою нервную систему. Если когда-нибудь по мотивам событий, связанных с компанией Apple, будут делать музыкальную постановку, например пьесу, то сцены в этом знаменитом гараже, где все началось, должны быть крайне мрачными и сопровождаться отвратительно громким, скребущим, извращенным звуком, который вскорости вырывает пространственно-временной континуум из человеческого измерения. Именно такие ощущения я испытывала. Когда Стив и Воз были подобным образом возбуждены, возникало ощущение, словно они разрывают материю вселенной. Сегодня я задаюсь вопросом, не явилось ли это предтечей тому, что люди позже будут называть полем искаженной реальности Стива.

Воз был старше меня и Стива и уже учился в колледже, однако он выглядел моложе во многих отношениях. Для меня как для девушки он не представлял никакого интереса, и я должна признаться, что находила его тревожно непривлекательным и не могла понять, как с ним разговаривать. Он не был весел или дружелюбно настроен по отношению ко мне. Когда один из нас находил другого в компании Стива, мы оба расстраивались. Мы стали двумя самыми важными для Стива людьми, однако нам нечего было друг другу сказать.

Однажды мы вместе с Возом отправились в поездку, чтобы повидать Стива в Портленде, после того как он начал учиться в колледже Рид. Мы выехали ночью, и когда приближались к горе Шаста, взошло солнце. Я заметила, какими красивыми в этот момент были облака – розовые, желтые, персиковые, плывущие по чистому голубому утреннему небу, – и сказала об этом Возу. Его ответ? Сухое «Видал я и лучше». Я помню, как мы остановились, чтобы заправиться – во время той же самой поездки, – и я пулей летела обратно из дамской комнаты, так как у меня было ощущение, что Воз подумывает уехать без меня. Однажды в аэропорту Сан-Франциско он так и поступил. Воз отвез Стива туда, а я решила его проводить. Воз уехал и оставил меня там одну. Позже он утверждал, что думал, будто я лечу вместе со Стивом. Нет никакого сомнения: Воз повел себя тогда крайне мерзко.

Однако, несмотря на все это, я очень сильно восхищалась проказнической, хулиганской натурой этих двоих. Они были за пределами забавны. В них чувствовалась заразительная, чистая радость, особенно когда они делали вещи незаконные, однако настолько хорошо продуманные, что никто не мог заподозрить, что они там как-то замешаны. Я помню, как однажды Воз поехал в Лос-Анджелес по пятой автомагистрали задолго до того, как она была открыта для общественного использования. Никакой полиции. Никаких пробок. Никаких скоростных ограничений. Лишь Воз, летевший на скорости 150 миль в час. Затем «синие коробочки», позволяющие пользоваться услугами междугородной телефонной связи бесплатно. Стив и Воз не были их изобретателями, однако они поняли, как их делать и как их можно улучшить. Эти парни обладали великолепием гангстеров. В их совместной работе было нечто возбуждающее и грациозное.

Через несколько лет после того, как Apple начала функционировать, Воз через Стива попросил меня помочь ему художественно оформить его квартиру. Это была довольно неожиданная просьба, учитывая, что я знала, что он меня никогда особо не любил. Однако она послужила для меня подтверждением того, что, как известно, Воз не держал никакой злобы в сердце. Мы со Стивом пошли к Возу, где я дала ему пару рекомендаций по поводу того, какие цвета можно использовать и где лучше расположить отдельные растения. Меня не покидало чувство неловкости, но Воз был любезен и деликатен. Я думаю, что он пригла-

сил меня из-за того, что ему стали интересны женщины, а возможно, какая-то конкретная женщина, и он стремился произвести на нее впечатление хорошим вкусом. Но может быть, он просто захотел произвести какие-то перестановки в жилище.

В тот день он показал мне свою машину «Позвони и прослушай шутку». Это был всего лишь огромный магнитофон, подключенный к телефону и проигрывающий странноватые шуточки парня-ученого на компьютерную тематику. Они были забавными лишь из-за крайней глупости. Глупые шуточки – как вульгарные комедии – необъяснимо смешны. У Воза был талант их придумывать. Продемонстрировав мне свою «юмор-машину», он сказал, что иногда сам отвечает на звонки и рассказывает анекдот, притворяясь, что говорит магнитофон, а затем удивляя звонящего живым ответом. Эта машина была похожа на прототип сайтов знакомств: Воз на самом деле использовал ее, чтобы привлечь внимание своей первой жены, на которую, похоже, произвели впечатление его забавные, бестолковые шуточки. Значит, он все-таки был действительно милым парнем.

* * *

Стив много раз говорил мне, в том числе не напрямую, что боится «потерять свою человечность в мире бизнеса». Иногда он выражал эту мысль в контексте беспокойства о Вoze. «Я боюсь, Воз потеряет себя в мире бизнеса», – говорил он, драматично закатывая глаза. Он никогда не вдавался в детали, как или почему это может произойти. Да и я не спрашивала: словами ситуации все равно было не описать.

Отношения Стива со временем и с будущим – так же как и со всем остальным – отличались от подхода к этим вопросам практически всех, кого я когда-либо знала. Постепенно я понимала, что ему по большей части известна его судьба и что интуиция позволила ему узнать его жизненный путь до того, как его пройти. Он знал, например, что будет встречаться с Джоан Баез, исполнительницей песен в стиле фолк и бывшей подружкой Дилана, довольно известной. Он знал, что станет мультимиллионером. Много раз Стив говорил мне, что умрет, когда ему будет слегка за сорок, затем, когда нам обоим уже исполнилось слегка за сорок, он поменял свое предсказание на сорок пять – сорок шесть лет. Когда он стал миллиардером и не умер к обозначенной им середине сорока лет, я помню, как он продолжал повторять «мне осталось недолго», как будто бы сохраняющий пока что молодость шаман пытается добиться еще немного времени для себя.

Однако насколько хорошо Стив знал отдельные странные и точные детали, настолько плохо он разбирался во всем остальном. Лишь некоторое время спустя, когда я смотрела на спящую на моих руках нашу дочку, я вспомнила, как сильно Стив боялся потерять свою человечность. Именно в тот момент я осознала: не Воз утратит свою человечность, а Стив. Воз, обладавший крепкой духовной связью с обоими родителями, будет в порядке. Стив имел в виду себя, и он знал это все время. Говорить загадками о вопросах личного характера всегда было в его духе. Сейчас я представляю его как слепого, выстукивающего с помощью белой палки слова – где-то уже не здесь, вне пределов настоящего, – поддерживающего связь между своей истинной и фальшивой сущностью, желающего довериться мне, чтобы не оставаться одному, испытывая смесь ужасного страха и радости от такой редкой судьбы.

Глава 5

Подводные течения

Мое имя, Крисанн, происходит от названия цветка – хризантемы. Во многих культурах она представляет собой символ перехода в иное состояние, хотя и трактуется по-разному. В европейской культуре хризантема рассматривается в качестве портала из нашего мира в иной, а потому этот цветок используется на похоронах. В древней священной системе Хинду восьмая чакра, которая находится над головой, – это похожий на хризантему цветок с большим количеством лепестков различного цвета. Тоже портал – на этот раз между физической оболочкой души и ее более высокими сферами. В японской и китайской культурах очень большое значение придается выходу за пределы собственного «я»: там хризантема символизирует долгую жизнь и радость, рассматривается в качестве символа объединения души и духа в теле для достижения истинного счастья в земной жизни. В Японии Имперский орден хризантемы является самым старинным рыцарским орденом и эмблемой печати самого императора, где этот символ обозначает ни больше ни меньше чем полную реализацию божественного в человеке и человека в божественном. Имя, данное мне матерью, было сродни благословию успешно преодолеть все жизненные трудности. И я ощущала необходимость в этом огромном, ярком заделе, заложенном в моем имени.

* * *

Я родилась в 1954 году в Дейтоне, Огайо, и была первым ребенком в новом поколении семейства Бреннан. Я выросла с тремя сестрами: одной старшей единокровной, Кэтти, и двумя младшими, Джемми и Линдой. Мы были прекрасной маленькой семьей в Огайо, полной надежд на новые начинания. Мы жили в большом доме в конце улицы, рядом с лесом и неподалеку от наших бабушек и дедушек, прабабушек и прадедушек, дядей и тетей. С крыльца нашего дома можно было увидеть кукурузное поле, в самом центре которого располагалась построенная почти век назад школа со все еще висящим снаружи колокольчиком. Зимой мы катались на коньках среди деревьев. Летом строили укрепления и притворялись, что наши сооружения в лесу являются другими мирами. По воскресеньям мы устраивали большие семейные ужины, а по выходным ходили в церковь. На Пасху мы надевали новые платья с подходящими к ним дамскими шляпками. Рождество было нелепо пышным.

Когда мне исполнилось семь лет, отца повысили, и мы переехали из Огайо, от нашего огромного семейного окружения, в Колорадо-Спрингс. После этого отца еще дважды переводили по службе: в Небраску и в конечном итоге в Калифорнию. Мне было двенадцать, когда мы переехали в Саннивейл, Калифорния. В течение года после этого мои родители разошлись. Вскоре они развелись.

Мой отец, Джеймс Ричард Бреннан, в юности был симпатичным и талантливым спортсменом: первоклассным ныряльщиком и звездой американского футбола в высшей школе, конкурентоспособным боксером во время службы в военно-морском флоте, лыжником до шестидесяти девяти лет. В восемнадцать он поступил на военную службу. Отец никогда не учился в колледже. Однако с тем опытом, который он получил во флоте, и своим дружелюбием он сумел выстроить успешную офисную карьеру и обеспечить нам хорошие условия жизни.

В молодости мой отец походил на Марлона Брандо: у него были мистические глаза, могучая нижняя челюсть и открытое, как большая полная луна, лицо. В более старшем возрасте у него появились седые волосы и мимические морщины вокруг рта, свидетельствующие

щие о чувствительной натуре, которая не соответствовала сломанному носу, так и не принявшему былую форму после участия в боксерском поединке во время службы на флоте. Мой отец вырос в непрестом районе в тяжелое время и под мускулистым телосложением прятал волнение. Он был добрым, при этом, однако, чрезвычайно чувствительным и придавал большое значение вежливости и тактичности. Возможно, именно поэтому он очень внимательно относился к тому, чтобы держать свои настоящие мысли и эмоции при себе. Хотя отец мог быть незэмоциональным, он также обладал живительным пониманием жизни и любви к своим дочерям и внукам, которые подрастали по мере того, как он становился все старше.

Мой консервативный отец всегда знал, что хорошо, а что плохо, и всегда играл по правилам. Как было принято в 50-е годы, всю эмоциональную ответственность за становление семьи он возложил на нашу мать, в то время как сам выстраивал карьеру. Как результат, он оказался совершенно не готов к дальнейшим событиям: к превращению его красивой жены в душевнобольную женщину и к тому, как изменятся его четыре дочери под влиянием 60-х годов. Когда Стив и мой отец познакомились, как позже он сам рассказывал, Стив показался ему высокомерным, эгоцентричным юношей, который не хочет становиться мужчиной. Он сказал моему отцу, что планирует дальше в жизни заниматься бродяжничеством. Два мира столкнулись. Последнее, чего мой отец желал бы для своей дочери, – чтобы она оказалась без ума от такого незрелого типа.

* * *

Моя мать, Вирджиния Лаверн Рикки, была чрезвычайно привлекательной и красивой женщиной. На кадрах из ее домашнего киноархива, на которых Вирджиния запечатлена двадцатилетней, она предстает миловидной девушкой небольшого роста с мягким женским обликом и неким сбивающим с толку чувством собственной сексуальности. У нее был детский рот, как у Элизабет Тейлор, самый обыкновенный нос и глубоко посаженные серые глаза с удивленным взглядом. Много позже, когда мне шел четвертый десяток лет и я увидела мой оригинал картины Джорджии О'Киф, единственное, о чем я могла думать, были руки моей матери.

Моя мать зачастую считала себя лучше остальных людей. Ее детство пришлось на 30-е годы XX века, времена Великой депрессии. Моя бабушка была поваром, и ей приходилось целыми днями работать, чтобы в те тяжелые времена содержать мою мать и своего мужа. Так что мама воспитывалась самостоятельно. После окончания Великой депрессии, когда ее отец ушел из семьи, мать привыкла коротать долгие вечера в одиночку. Она читала много книг и пила кока-колу из маленьких бутылочек. Как она нам позже говорила, «тогда кока еще была вкусной».

Моя мать прожила большую часть жизни в страхе. Ее отец приставал к ней, когда она была совсем малышкой, и моя бабушка выгнала его за это из дома – довольно необычный поступок для тех лет. Когда моей матери было девять, ее отец покончил с собой. Моя бабушка выходила замуж еще четыре раза, и еще один из ее супругов также приставал к моей матери – тогда ей было четырнадцать. Воспоминания об этих кошмарах преследовали ее всю оставшуюся жизнь.

В сороковые годы, уже подростком, мама придумала себе образ строптивой роковой женщины, образ, который был так популярен в фильмах тех лет. Изображая сильную женщину, что так контрастировало с ее моральной слабостью, она смотрела вниз из-под своих очков для чтения, делала большую затяжку и говорила нам: «Искренность и десять центов помогут вам раздобыть чашечку кофе, дети». Такой специфический у нее был юмор.

Мать внимательно следила за тем, чтобы в нашем доме, где бы мы ни жили, всегда было чисто и уютно. Она очень серьезно, в консервативно среднезападном стиле, относилась к своей роли хранительницы очага. Это выразалось в том, что каждый день мы должны были провести некоторое время на улице, на свежем воздухе, смотреть телевизор недолго, рано ложиться спать и учиться в хороших школах. Моя мать была потрясающим поваром, она могла сделать блюдо из любой кухни мира. Она очень творчески подходила к тому, что нам готовила. (Она делала потрясающее блюдо из креветок с чесночным соусом. Я все еще пытаюсь найти ресторан, в котором вкус этого блюда хотя бы наполовину был близок к вкусу из моего детства.) Я помню моменты, когда мама сидела за кухонным столом по вечерам в Огайо, Колорадо, Небраске и Калифорнии, положив ногу на ногу, читая и куря сигарету, пока ужин медленно готовился. Готовка во время чтения, чтение во время готовки. Нельзя сказать, чтобы у нас случались традиционные ужины с обсуждением литературных произведений, однако чувствовалось, что многие из блюд, что нам подавали, были приготовлены за чтением работ Фолкнера, Лоуренса, Мелвилля, Стегнера и Капоте.

Всю жизнь моя мать читала хорошую литературу. Она прекрасно умела мыслить абстрактно, и я считаю, что величайшая радость в ее жизни заключалась в размышлениях и разговорах об экспансивных идеях. Ее разум был способен воспроизводить смелые, интересные мысли. Частенько она выдавала фразы типа: «Внутри каждого из нас живет нацист, и нам всем однажды придется столкнуться с этим фактом». В течение долгих лет я анализировала эту фразу, пытаюсь понять, какое значение она имеет в контексте моей жизни.

Моя мать, без сомнения, была замечательным человеком в определенном смысле, но я думаю, что она, возможно, также слегка страдала аутизмом. Она была недовольна тем, что у нее так много детей, и часто казалось, что ее основная цель состоит в том, чтобы от нас избавиться. Мы надоедали ей. В более поздние годы, когда ее психическое заболевание усиливалось, мать набрала много лишнего веса и стала все больше беспокоиться о себе, причем это беспокойство имело оборонительный характер. Ее смех имел оттенок всезнайства и пренебрежения, и она критиковала всех и вся, демонстрируя черствое и отчетливо неблагодарное отношение.

В нашем доме было не принято обсуждать, что думают остальные члены семьи, кроме матери: она принимала решения, основываясь на собственных мыслях и суждениях. Это была эпоха феминизма, и она погрузилась в поиск смысла и идентичности. Как результат в моем воспитании зияли огромные дыры. У меня никогда не было стола, за которым я могла бы делать домашнее задание, или чертежной доски, не говоря уж о мольбертах и необходимых для занятия рисованием материалов. Наоборот, в тех областях, где я демонстрировала талант и заинтересованность, мать либо игнорировала, либо высмеивала меня. Она не находилась на одной волне со своими тремя младшими дочерьми. Она готовила нам пищу и контролировала нас, пока мы убирались дома и подстригали лужайку по субботам, однако после этого уходила в собственный мир. Она часто пыталась настроить нас друг против друга, сравнивая наши таланты и показатели IQ. По правде говоря, мать уделяла особое внимание лишь образованию моей старшей сестры. Она готовила ей специальные блюда, годами давала ей уроки игры на скрипке, проводила с ней долгие беседы о литературе. К тому времени, когда мы переехали в Калифорнию, она возненавидела моего отца и избрала Кэйти в качестве своего интеллектуального партнера. Все прочие члены семьи остались на собственном попечении. Учитывая ее состояние, подобное нарочитое невнимание не было такой уж плохой вещью.

* * *

Для матери стало полной неожиданностью, когда первая из ее четырех дочерей достигла переходного возраста. В результате ее психическое заболевание стало явным и более не намеревалось отступать. После этого, когда мы одна за другой становились старше, ее поведение по отношению к нам приобретало все более непристойные черты. У моей матери было кошмарное детство, и я полагаю, что наша растущая сексуальность с ее дальнейшим переходом в стадию женственности вызвала в ней панику и чувство потери. Она защищала нас, пока могла. Затем ее боль становилась все больше, преодолевая пределы наших домов, начиная с Колорадо, и заполняла все пространство темными слоями невыразимой ярости и печали.

Мою мать отправили на проверку к докторам. Мне кажется, что новое, набиравшее тогда обороты феминистское движение значило для нее очень многое и именно вступление в его ряды предоставило ей возможность вырваться из семьи. Мать променяла свою семью на вдохновенное бытие в роли феминистки-интеллектуалки. Вознесенная на вершину мира и обманутая, она пошла учиться в колледж, получив в конечном итоге двойной диплом по психологии и литературе. Она уходила в свою спальню и сидела там часами для того, чтобы писать статьи на большом белом столе, который она раскрасила под старину. На бампер своей машины она нацепила стикер «Еще один студент в поддержку мира», предпочтя ее наклейке с надписью «Еще одна мать в поддержку мира». В то время как она не ценила себя саму как мать, она также не пыталась оставить обучение для того, чтобы заняться каким-то конкретным делом. Эта грань между душевным заболеванием и тем, что казалось плохим характером, не была мне полностью ясна. Будучи подростком, я просто считала ее обманщицей.

В характере матери смешивались настолько глубоко различные черты, что я просто не могла их понять: я испытывала угрызения совести, находясь рядом с ней. Она ненавидела мою креативность, мою цветущую сексуальность, моих друзей и мои юные взгляды на жизнь. Она говорила о подростковом периоде в насмешливом тоне, словно я должна быть в смущении или даже стыдиться того, что прохожу через него. Каждая положительная деталь, которую можно найти в этом возрасте, становилась объектом ее насмешек и ненависти. Все это происходило во время подготовки прекрасных, гармоничных блюд, которые она придумывала и делала каждый день, создавая нам условия лучшей жизни, чем знала она.

У меня было чудесное, спокойное детство, однако подростковые годы для меня стали настоящим кошмаром. В свои двадцать с небольшим лет, когда мне пришлось столкнуться с таким огромным количеством различных проблем, Синди, моя лучшая подруга с шестого класса, выложила все начистоту, так как она провела очень много времени с моей семьей, чтобы увидеть все, что происходит: «Мне очень жаль тебе это говорить, но твоя мать настроена против тебя». Я не испытывала сентиментальности по поводу любви моей матери. Очевидно, что я знала куда больше, чем моя подруга, относительно того, какой ужасной была моя мать. Однако искренность Синди послужила для меня подтверждением того, что я знала. Я преклонялась перед ней за то, что она посмела выразить свою точку зрения и сделала это с такой осмотрительной добротой. Чего я тогда не знала – а она прекрасно знала, – какой хорошей может быть мать.

Моя ситуация была понятна многим. К тому времени, как я сошлась со Стивом, глаза матери смотрели на меня с откровенной ненавистью. Мой тогдашний друг сказал мне, что она считает меня жесткой и искрометной, хрупкой и душевно честной. Некоторые из моих преподавателей в Хоумстедке знали, что у меня проблемы дома, однако никто тогда в действительности не подозревал, что она душевно больна. Я полагаю, что они сводили про-

блему к напряженным отношениям между дочкой и матерью. После того как отец переехал в другой дом, а моя старшая сестра уехала в колледж, младшие сестры и я начали жить в кошмаре, масштаб которого с каждым днем становился все больше. Без этих двоих никто не мог обуздать ее жестокость, и мать вела себя все хуже.

Первая встреча моей матери со Стивом была обескураживающей. Она сидела с нами на полу и вела себя как подросток, флиртуя и соревнуясь с ним по поводу того, чья литературная проницательность более развита: его или ее. Дальше ситуация становилась лишь хуже. Стив ушел в себя и говорил довольно мало. Он пробыл у нас очень недолго и покинул дом в гневе. Я же была ошеломлена и задавалась вопросом, не расстанется ли он теперь со мной.

* * *

Я не виню свою мать. Насколько я помню, мое сердце было тронуту тем, каким образом ее хрупкая незрелость и шаткое чувство личной идентичности сочетались с ее огромной любовью к жизни. До появления средств по контролю над рождаемостью многие женщины обзаводились детьми еще того, как были к этому готовы. Наконец, я ценила ту важность, которую она всегда придавала правде и ее изысканному, утонченному любопытству. Я полагала, что она была как олимпийский бегун, который передал нам сверкающий факел со всеми своими знаниями, прежде чем упасть от изнеможения от собственной жестокости. Однако в те времена, когда дом полностью находился в ее власти, она была хрупким человеком с жестокостью и ненавистью к себе, которую она проецировала наружу, на нас. Нам ничего не оставалось – только бежать.

Когда мне было около двадцати пяти лет, моей матери диагностировали целый набор психических заболеваний, который включал параноидную шизофрению, клиническую депрессию, биполярное расстройство с элементами психоза. Я не думаю, что кто-то понимал масштаб бедствия, и я задавалась вопросом, так ли важно, как они это назовут, за исключением того, что, называя вещи своими именами, легче относиться к человеку с состраданием. Мне понадобились годы, чтобы понять, как именно все эти термины могли трансформироваться в то поведение, которое мы вытерпели.

По мере того как весь масштаб трагедии болезни моей матери становился все яснее, у меня возникло опасение, что я могу повторить ее судьбу. Это обстоятельство способствовало появлению у меня интереса к вопросам здоровья и альтернативных путей лечения. Мне было двадцать два, когда я составила план по лечению собственной психической болезни, если у меня проявятся ее симптомы. Номер один: я буду ответственно следить за своим здоровьем. Это стало моим главным приоритетом. Номер два: я откажусь от мяса. Номера три, четыре и пять: я буду заниматься медитацией, йогой и трудиться, чтобы оставаться верной своим идеалам. Я также думала – номер шесть, – что развитие собственной креативности играет чрезвычайно важную роль в поддержании здоровья. Я видела, что моя мать лишь читает и критикует, но не создает ничего собственного за исключением еды, да и то по рецептам, которые она черпает из различных книг. Я осознала, что люди, которые не развивают сами себя через свою креативность, в итоге направляют энергию в неблагоприятное русло.

Это были мои постулаты – самопровозглашенные порядки, – и они походили на жизненный план в моей юности. Он обеспечил меня необычной, непокорной безопасностью, основанной на ошеломляющей вере в собственные внутренние ресурсы. Обзаведясь ими, я подготовила себя к дальнейшей жизни, что бы в будущем ни произошло.

Прежде чем я покинула дом своей матери и переехала жить к отцу, я помню, что у меня из головы никак не выходила одна мысль: *Что, если бы люди были просто добры по отношению друг к другу? Что, если бы они обращали внимание только на то, что нужно, с глубоко сердечным здравым смыслом и приверженностью к доброте в целях общего блага?* Это

было чувство, исходящее из маленького источника света, расположенного в самом центре моего сердца, и я не могла описать его словами. И поэтому я разрабатывала «проект любовь-в-обществе» в течение многих лет, не осознавая, что такой важный вопрос развивался и жил внутри меня. Я не знала, как принять скупую на чувства мать, поэтому я избегала ее. Но я получила второй шанс позже, когда столкнулась со схожим уровнем бессердечия в Стиве и была вынуждена пробиваться сквозь него ради благополучия нашей дочери.

Глава 6

Райские деньки

Стив и я нашли наш путь к любви той весной. Мы целовались часами в парке и в его машине и изо всех сил пытались понять, почему это нам казалось таким забавным. Мы так и не смогли подобрать необходимого определения. Однако вскоре другие вещи, происходящие между нами, также потребовали своего обозначения.

Когда Стив навещал меня дома, он шел прямо ко мне в спальню, чтобы избежать встречи с моей матерью. Я поднимала глаза, чтобы увидеть его очаровательное, горящее лицо на фоне окна, и у меня перехватывало дыхание. Я все еще вспоминаю выражение его глаз в те моменты – это были самые добрые, самые влюбленные глаза, которые я когда-либо видела. Стив стал моим великим пристанищем, а я радовалась, что я – это я, когда мы были вместе.

Когда на смену весне пришло лето, на четырех решетчатых колоннах на моем крыльце вырос китайский звездчатый жасмин и наполнил воздух крепким ароматом. Именно тогда Стив и я решили съехаться на летний период. Был 1972 год. Я не могу вспомнить, кто первым озвучил эту идею, однако у меня есть ощущение, что она, должно быть, носила крайне конспиративный характер, витала в воздухе, пока мы оба не сказали: «Все, пора съезжаться». Ни у кого из нас не оставалось никаких сомнений по поводу этих планов. Мы были полны решимости и отчетливо представляли себе весь наш замысел. Эпоха семидесятых дала нам разрешение, а все остальное мы дали себе сами.

Вскоре после того, как мы приняли решение, я поехала на велосипеде к местному колледжу низшей ступени, где увидела на доске объявлений информацию о том, что сдается одна комната в хижине в горах. Звучало идеально, однако, когда я позвонила арендодателю, он сказал мне, что места для пары нет. Я была очень расстроена, однако понимала, что с этим ничего нельзя поделать. Позже, когда я рассказала Стиву про упущенную возможность, он удивил меня тем, что попросил номер телефона владельца. «И действительно», – подумала я, пытаясь найти в моем кошельке кусочек бумаги, на котором я его записала. Стиву удалось договориться с этим парнем о встрече, и это навело меня на мысль, что в нем было что-то поразительное. Передо мной стоял парень, который мог добиться необходимого результата. Судя по той манере, в какой он попросил меня дать ему номер телефона, я знала, что он тоже это знает.

В следующие выходные мы отправились на оранжевом «Фиате» Стива к тому, что было в прямом смысле слова последним домом в каньоне Купертино. Мы ехали мимо дамбы до тех пор, пока дорога не сузилась до двух извилистых тропинок, которые привели нас в глубь лесистых гор. Мы миновали большое количество маленьких хижин и местную закусочную, пока в конечном итоге не добрались до последнего поворота, за сто метров до тупика. Повернув налево, мы оказались на равнинной местности, глубоко в долине, между рядом очень высоких гор. Там стояли четыре маленькие хижины, на которые падал мягкий солнечный свет. Мы медленно подъехали к последней из них, мимо огромной свиньи в грязном загоне и множества свободно разгуливающих кур, которые кудахтали, освобождая нам путь. Четыре козла с безумными глазами вышагивали неподалеку и тарасились на нас, когда мы выходили из машины. Все это было похоже на иной мир спокойствия и старых вещей из эпохи Аппалачей.

Альфонсо Татано встретил нас озорной улыбкой и пригласил войти. В его доме стоял запах плесени. Первой замеченной мной вещью был большой белый парашют, использовавшийся вместо штор и свисавший с потолка вдоль темных деревянных стен для того, чтобы

усилить освещение в фильме, над которым работал хозяин. Мы были поражены этим домом добросовестного хиппи. Ал показал нам хижину: маленькую, темную и хорошо убранную. Там стояла мебель 40–50-х годов, военное снаряжение 60–70-х, включая природные находки. Жилье было убрано с такой тщательностью, которую мужчина проявляет к окружающей обстановке, довольно далекой от домов в стиле вызывающей скуку монокультуры американских окраин, только что нами покинутых. Я находила хижину захватывающей и ужасной одновременно.

Алу было около 24–26 лет, но, казалось, он был на несколько жизней старше нас. Он ходил на режиссерские курсы в Университете штата Сан-Хосе и работал над фильмом о его отце – итальянском иммигранте. Когда Стив узнал, что у Ала есть доступ к фильмотеке университета, он загорелся интересом. В то время, пока они общались, я ходила вокруг, задаваясь вопросом, каково будет жить здесь и спать в одной постели со Стивом. Должно быть, мы показали себя с правильной стороны, потому что Ал предложил вариант, что он будет спать на раскладном диване в гостиной, а мы бы могли жить в его спальне в течение лета.

Прошло две недели, прежде чем мы переехали жить в хижину, две недели, во время которых я затаилась и тихо наблюдала за переменами у меня дома. Моя мать смотрела на меня исподлобья это время, делая вид, что ей безразлично. Мне казалось, что такое отношение выдает глубину ее неуверенности. Я находилась в ее доме, не будучи желанной, погребенной под почвой неуверенности в себе, пытаюсь перенести ее жестокость и справиться с ее психической болезнью. Прежде она много раз просила меня покинуть дом и пугала, заявляя, что она выкинет меня на Хайт-Эшбери. Однако теперь, когда я наконец-то уходила, она была странно добра и растеряна. В ней не осталось ветра для ее ненависти. Необходимого дыхания. Необходимой силы.

Я никогда точно не знала, что происходит в это время в доме Стива. Он об этом не говорил. Я не думаю, что подросткам пристало обсуждать такие вещи. Однако я внимательно следила за семьей Стива и знала, что он всегда был сам себе голова. Я видела, как он переносит то, что я представляла себе отвращением Пола по поводу нашего совместного проживания, в очень спокойной манере, с которой он подходил ко всем откликам Пола в то время, грустный, но уверенный в своем выборе.

В конце концов меня смутило то, что моя мать отреагировала с горечью на наш переезд, и то, что Пол не стремился каким-либо образом отомстить. В отличие от моей матери Пол умел избавляться от своего чувства разочарования до того, как оно приобретало форму конкретных действий. Несмотря на его отдельные вспышки гнева, он оставался каким-то необъяснимо беззлобным. Клара дистанцировалась от этого всего и предпочла хранить молчание. Свои суждения она всегда оставляла при себе. Я чувствовала ее недовольство, однако не теряла сдержанности.

Вскоре после того, как мы переехали, мы пригласили родителей Стива на обед, однако пришла лишь одна Клара. И сегодня я помню, что была удивлена тем, каким образом она позволила нам встретить себя. Клара продемонстрировала такую благодарность за то, что была нашим почетным гостем, что заставила меня со Стивом радоваться, что мы ее позвали. Мы очень гордились тем, что приготовили для нее целый обед, и мы порхали с места на место, как маленькие птички, накрывая на стол, говорили о том, как мы приготовили еду, и хотели узнать, понравилось ли ей. По какой-то причине я ожидала, что вечер не пройдет гладко и обязательно возникнут разногласия, однако этого не произошло. Вместо этого Клара – которую я звала миссис Джобс – сидела тихо и спокойно и была довольна, пока мы бегали вокруг нее с радостью и угощали нашими лучшими спагетти вместе с салатом. Я видела, что она стремилась быть очарованной нами. И я могла понять, почему Пол женился на ней.

* * *

Наши ночи в хижине были райским наслаждением. Мы просыпались в любое время, когда хотели, безумно счастливые, что мы вместе, не веря, что нам не надо идти домой, потому что мы *уже* дома. Иногда я открывала глаза в середине ночи и неожиданно вспоминала, что мы вместе. Я чувствовала его и его запах, дотрагивалась до него, затем он просыпался, мы обнимались и целовались, смеясь, пораженные тем, что настолько близко друг к другу и настолько влюблены. Мы снова засыпали, обнимая друг друга, а затем уже он меня будил, чтобы поцеловать и опять заняться любовью. Я помню это время за его радость и свободу существовать и так чисто любить. Наши юные мечтательные тела были сметены в водовороте прошлого, настоящего и будущего всех времен и всех миров, имея все, не зная ничего.

В течение недели, когда бы мы ни ложились спать, Стив начинал рассказывать мне истории о том, что мы часть объединения поэтов и провидцев, которое он называл Витфильдская группа. (Стив иногда произносил «Уэтфильдская».) Мы вместе смотрим из окна, говорил он, наблюдаем мир с остальными. Я не знала, о чем это он, однако всем своим сердцем хотела увидеть такие пейзажи. Для меня это не было метафорой. Я знала, что это правда. Всю свою жизнь я мечтала стать героиней какой-нибудь волшебной истории. При этом рассказы Стива были отнюдь не первыми, но одними из наиболее красивых и волнительных из тех, что я когда-либо слышала. Иногда я думала, что вижу окно на том месте, где стояла стена, и чувствую силуэты поэтов, собравшихся в комнате с нами.

Стив всегда обладал изрядной самовлюбленностью. Его личная мифология давала ясно понять это. Я стремилась защитить его благословенное поэтическое видение и невидимое сообщество, в которое он мне открыл дверь. Я думаю, что раскрытие информации о Витфильдской группе являлось своего рода посвящением, поскольку позже я обнаружила, что лишь небольшая группа людей на похоронах Стива возложила пшеничные зерна на его могилу. Он, должно быть, нес Витфильдскую группу в своем сердце на протяжении всей жизни.

Стив повесил плакат Боба Дилана на черную деревянную стену над нашей кроватью, и мы закутывались в стеганое одеяло моей прабабушки, которое моя семья возила с собой из штата в штат на протяжении всего пути из Огайо. Оно вместе с керосиновой лампой помогало нам согреться по ночам и быть счастливыми. Моя прабабушка пользовалась этой керосиновой лампой в форме песочных часов по назначению. В нашем электрифицированном мире мы ценили ее за ее старинную душевность. Каждую ночь, когда мы зажигали эту лампу, нам казалось, что мы два самых счастливых человека на земле. Наше взаимное счастье отражалось в мягком теплом свете, пуховом одеяле и окне в мир поэтов.

* * *

Тем летом Стив и я засиживались допоздна, чтобы посмотреть фильмы с Алом и его братом. Во времена, когда не существовало таких вещей, как домашнее видео, кассеты, DVD-диски, Netflix или потоковое вещание, сокровенный звук щелчка катушечного проектора был пышным и чувственным удовольствием. Преимущественно мы смотрели фильмы, которые Ал находил в архивах фильмотеки. Большинство из них содержало информацию об искусстве Востока. Мы разглядывали одно великолепное священное изображение за другим – мандалы и янтры с замысловатыми узорами, придуманными тысячу лет назад. Считается, что они поднимают сознание на новый уровень, чтобы сбалансировать дух в материи, в мужчине и женщине. Эти изображения были выдающимися и идеальными. Тусклому, почти

мультяшному искусству 60-х годов до них было очень далеко. В конце 90-х я снова начала рисовать предметы этого священного искусства и добавила к ним нотки постмодерна, нового века, научной фантастики, концептуальной чувствительности.

Часто мои глаза уже слипались после половины десятого, и я уходила спать, в то время как Стив засиживался допоздна, разговаривая с Алом или занимаясь написанием стихов. У Стива были особые отношения с ночным временем суток. Он перетаскивал печатную машинку в гостиную, и я, просыпаясь от света, падающего на мою кровать, видела, как он заходит в нашу комнату, чтобы забрать забытые вещи. Он погружался в собственные мысли и, подобно подростку, придерживая волосы рукой, чтобы лучше видеть, искал необходимое: ручку, дополнительные листы бумаги, книгу.

До тех пор пока я полностью не засыпала, я слышала, как его электронная печатная машинка выдает в ночи новый текст с молниеносной скоростью. Он перерабатывал песни Дилана, персонифицируя их для себя, или для нас, или для меня. Лишь сейчас я понимаю, что он пытался сделать. Он был довольно замкнутым человеком и не любил много говорить, и я думаю, что он переделывал песни Дилана, чтобы понять смысл своей жизни и отразить его.

Однажды он прикрепил на нашу парадную дверь одно из своих стихотворений – «Мама, пожалуйста, держись подальше», переработанную версию песни «Рамоне» Дилана. Это был его ответ на непостижимо грубое поведение моей матери по отношению ко мне и ее тревогу из-за того, что я переехала. Он написал его в порыве тихой ярости после того, как она заявила к нам в хижину без предупреждения, чтобы посмотреть, как у меня дела. Она полагала, что я могу быть беременна. В действительности так оно и было. Я никогда не говорила ей об этом, однако она решила прочитать мне очень длинную лекцию по поводу того, как следить и ухаживать за ребенком. Я была поражена ее неистовым лицемерием. До этого она все время ныла о родительских обязательствах. А после того как в 1978 году родилась Лиза, она смотрела на младенца и вопрошала: «Зачем, ох зачем ты родила этого ребенка?» В этом была вся она. Однако тем летом в хижине мы со Стивом согласились, что не будем заводить ребенка. Мы не испытывали никаких сомнений относительно нашего решения, и я не намеревалась прислушиваться к ее советам по какому бы то ни было вопросу. Тем не менее ее поведение меня расстроило.

Сейчас я думаю, что для Стива моя мать была исчадием ада и он надеялся, что он сможет ее изгнать с помощью данного произведения, своего рода талисмана. Я припоминаю его содержание. Часть его была посвящена моей матери:

Ты думаешь, ты знаешь нас и понимаешь нашу боль, Однако понять
боль невозможно, не достигнув нового уровня осознания.

Другие части были адресованы мне:

Я вижу, твой разум
Скручен и связан
Бесполезной пеной у рта.

Я не увлекалась произведениями Дилана в то время. В действительности в душе я не воспринимала всерьез разномастную поэзию Стива и была отчасти оскорблена фразой, что мой разум «скручен и связан». Я не сопоставляла вещи так хорошо, как это удавалось ему. Стив также не был очень тактичен по отношению ко мне. Я не смотрела на мир сквозь призму произведений Боба Дилана, как это делал он. Я лишь видела огромное количество песен Дилана с рядом отдельных изменений. Я не понимала, почему он не подходил к написанию

своих стихов с большей оригинальностью. Девочки могут быть очень жесткими по отношению к мальчикам.

У меня в голове сложился романтический образ поэта как непорочного создания, которое скорее прыгнет с обрыва, нежели поступится своими идеалами. Именно так я воспринимала Стива – как самое непорочное создание, которое когда-либо существовало. Однако теперь я понимаю, что тексты песен Дилана были блестящими и что Стив искал пути, чтобы жить внутри них, словно они являлись огромным пространством, в котором можно скрыться. Я бы очень хотела вернуться в прошлое и изменить его на ту версию, где я бы не жалела времени, чтобы прочитать оригинальные тексты песен, задавать ему вопросы и попытаться сделать все, что в моих силах, чтобы понять его перемены.

* * *

Вскоре после переезда мы обнаружили, что у козлов есть отвратительная привычка бодать нас в спину в тот момент, когда мы выходим из машины. Эти злобные создания были умны и быстры, а их атаки – крайне неприятны. Как только мы съезжали с дороги и попадали в долину, козлы поднимали головы и внимательно следили за нашим приближением. Затем они начинали подкрадываться к машине, держась чуть поодаль, чтобы не раскрыть своих намерений. Однако мы знали их планы.

Им хватало двадцатишаговой дистанции, чтобы достать нас, если мы не обращали на них должного внимания, а иногда даже и в тех случаях, когда обращали. После того как они напали на нас в очередной раз, мы разработали план действий. Стив взял на себя лидера козлиного стада, наиболее агрессивного черного самца, схватив его за длинные рога и начав с ним бороться, а я в это время достала всё из машины и ушла из-под их прицела. Когда я добралась до веранды, я рассмеялась, будучи пораженной его шуточной отвагой. Затем он повернулся и побежал так быстро, как мог, чтобы присоединиться ко мне на веранде, где мы вместе смеялись и задним числом боялись.

С веранды открывался отличный вид на окрестности. Из-за козлов я не могла много по ним бродить. Поэтому я частенько стояла на ней, оглядывалась по сторонам, наслаждаясь солнцем и свежим воздухом. Однажды, именно этим и занимаясь, я заметила, что соседи на своей площадке устроили небольшую вечеринку. По натуре я не склонна совать нос в чужие дела, однако не могла не заметить происходящего, поскольку дом находился примерно в двадцати ярдах от нас. Ал как-то мимоходом сказал, что соседи принимают много наркотиков, ожидая получения наследства. Их стиль жизни не представлял для меня особого интереса, однако они были достаточно милыми людьми. Стив и я никогда особо их не обсуждали и с ними не общались, за исключением стандартных приветствий. Однако в тот раз, пока я наслаждалась свежим воздухом, Стив незаметно подошел сзади ко мне и спросил:

– Ты бы это сделала?

Я оглянулась и заметила, что его глаза сильно сузились, словно он смотрит вдаль, на летящий высоко в небе самолет.

– Сделала что? – спросила я. Он рассчитывал, что я знаю, о чем он думает.

– Ожидала бы получения наследства, – ответил он.

– Нет, – отозвалась я и, сказав это, почувствовала, что люди не должны так использовать свое время, и вместе с тем ощутила, что меня тайно испытывают. Поэтому, а также из-за того, что вопрос был настолько мрачный и целенаправленный, я запомнила эту ситуацию. Стив обладал прекрасной интуицией и знал, что будет чрезвычайно богат, – так он мне говорил. Может быть, он хотел оценить не только мой характер, но и ту роль, которую я сыграю в его будущем? И что насчет его собственной роли в таком будущем?

* * *

В середине лета Стив и я пошли в небольшой театр на северном пляже Сан-Франциско, чтобы посмотреть «Новые времена» с Чарли Чаплином. У нас было очень мало денег и никаких видимых перспектив в будущем, но он любил классические фильмы, и ему нравилось знакомить меня с ними. К концу вечера я была очень напряжена, поскольку понимала, что мы потратили большую часть того, что у нас осталось, на фильм и на обед. А когда мы обнаружили на машине штраф-талон на 25 долларов, меня накрыло полное отчаяние. Стив был спокоен, казалось, что он не особо переживает по этому поводу. Откровенно говоря, на его лице снова отражались грусть и задумчивость сдавшегося человека. Мне казалось, что он смотрел в свое будущее.

После этого мы отправились на Крисси-Филд в Сан-Франциско гулять по пляжу, чтобы насладиться закатом солнца. Пока мы шли, я уже в который раз в тот день начала говорить о своем беспокойстве относительно нашего финансового положения. Стив пристально и раздраженно посмотрел на меня, засунул руку в карман, выгреб из него все оставшиеся деньги и выбросил их в океан. А-а-а! Кто так поступает? Меня одновременно обуяло чувство разочарования и восхищения – я начала смеяться, затем плакать и снова смеяться. Как я могла не любить его? Нахальство его шага превзошло все остальное. Он был безупречен, был настоящий поэт, а не человек, который засиживается допоздна, чтобы переделать слова песен Боба Дилана.

Позже на той неделе к нам в хижину приехал Воз и передал Стиву деньги от «синей коробочки», которую он только что продал. Вплоть до этого момента я даже и подумать не могла, что он делает деньги на этих штуках. Я просто не могла связать все факты в единое целое, возможно, потому, что они умело это скрывали. Также вплоть до этого времени я не осознавала, что Воз может принести нам какую-то серьезную пользу, хотя регулярно меняла свою позицию по его поводу, поскольку он постоянно вел себя по-разному. Какими бы странными ни были отношения между нами, я не могла испытывать к нему огромную неприязнь. Возможно, потому, что он так сильно любил Стива. Или потому, что он казался мне очень умным юношей, невинным и все еще не повзрослевшим.

Я не препятствовала Возу. Маленькие умные мальчики иногда играют так, что это напоминает эпидемию лихорадки – без остановки, напряженно и слабо взаимодействуя с другими людьми. В свои двадцать лет, казалось, Воз все еще бурлил и кипел идеями, которые хотел преподнести миру. И вот он стоял, ухмылялся и делил деньги со Стивом. Я испытывала за это огромную благодарность. В то время я была уверена, что, делая деньги со Стивом, он просто красиво поступает. Я не догадывалась, что они со Стивом являлись равноправными партнерами в этом подпольном бизнесе.

Позже тем летом мы втроем отправились в колледж Де Анза, чтобы посмотреть на доску с объявлениями о работе и найти подходящие для вакансии. Мы нашли вакансию для четверых: надо было одеться как персонажи из книги «Алиса в стране чудес» и выступить в торговом центре Санта-Клара. Заработок за два дня должен был составить 250 долларов – огромная сумма для 1973 года. Мы решили воспользоваться возможностью и в качестве четвертого взяли с собой нашего соседа Ала.

Я была очень похожа на настоящую Алису: большая голова и маленькое тело, длинные локоны и круги под глазами. Ребята, раздобывшие костюмы Белого Кролика и Сумасшедшего Шляпника, носили эти огромные головные конструкции, которые простирались вниз вплоть до коленей. В те выходные кондиционер в торговом центре вышел из строя, а погода была испепеляюще-жаркой, так что парням с трудом удавалось находиться в костюмах более десяти минут. Даже после того, как они засунули внутрь мешки со льдом, все трое бегали

в примерную, чтобы обменяться костюмными головами и попить воды. На них было жалко смотреть, но при этом и крайне уморительно.

* * *

Когда я оглядываюсь в прошлое, тот эпизод кажется крайне причудливым и предвосхищающим события: большие головы и маленькая девочка, падающая в дыру, предзнаменовали будущее, как ничто иное. В свете того, что произошло позже, думаю, было бы прекрасно взять и упаковать воспоминания в сказку, во что-то доброе, светлое и причудливое, на что бы я могла посматривать время от времени, а затем благополучно убирать назад.

Правда в том, что, когда я делилась своим миром со Стивом, я превращала себя в сироту, чтобы он чувствовал себя не так одиноко. Но я не являлась сиротой. Да, моя мать была больна, но моя большая семья любила и поддерживала меня. Я думаю, что представляла себе, будто смогу обойтись без всего этого, поскольку, как большинство молодых людей – возможно, почти все, – не могла осознавать ценности того, что имела, пока не потеряла. Я позволила Стиву оказать неправильное влияние на мое сердце. Мне понадобилось почти двадцать лет, чтобы понять, насколько сильный урон я нанесла самой себе, вбив в голову ту ошибочную мысль. Однако сейчас я могу с полной уверенностью утверждать, что это был действительно неверный шаг, который привел к существенным потерям в последующие годы.

Той осенью, прежде чем Стив уехал в колледж, а я вернулась в старшую школу, я нарисовала картину (давно пропавшую) в качестве выражения признательности за наше лето. Там была изображена марионетка, плывущая посреди звездных участков синего и зеленого цвета. Эта маленькая французская марионетка с грустной улыбкой, спрятанной внутри другой – большой и веселой, – походила на Стива. У нее были простоватые, вздымающиеся брюки с большими освещенными пуговицами, спускающимися вниз по передней части тела, как чакры. Из-под широких штанин торчали большие, болтающиеся в воздухе ноги. К марионетке была прикреплена одна-единственная нить, которая по спирали тянулась от руки и, проходя над головой, скручивалась лежащими друг на друга кольцами. Стив обожал эту картину. В конечном счете, я думаю, мы оба понимали, что она являла собой краткую характеристику того, чем мы станем.

Глава 7

Инструкция по превращению

Стив отправился учиться в колледж Рид в сентябре. В октябре мы с Возом собрались навестить его, выехав ночью и проведя в пути до Портленда около двенадцати часов. Мы прибыли на место назначения ближе к концу дня, оставили багаж в машине и отправились искать нашего замечательного парня.

Студенческое общежитие Стива располагалось в старом кирпичном здании с горгульями на крыше. Эти создания были уникально гротескны и выглядели настолько реалистично, что у меня создавалось впечатление, что они передвигаются вокруг, машут твердыми крыльями и взирают с высоты некоего средневекового авторитета.

Когда мы попали в комнату Стива, там находилось около шести человек. В процессе представления нас друг другу Стив взял меня за руку и отвел в совместную уборную комнату, где никого не было. Там он поцеловал меня так, как никогда не делал этого прежде.

Воза я увидела в следующий раз, лишь когда мы уезжали домой.

Я провела со Стивом два дня во время того первого визита. Мы спали в его узкой студенческой постели и прокрадывались в санузел, чтобы вместе принять ванну. Мы со Стивом питались в студенческой столовой, где за каждое отдельное блюдо гость должен был доплатить 1,35 доллара, однако когда мы хотели побыть одни, то ели в его спальне. Мы готовили пищу на бунзеновской горелке Стива – томатный суповой концентрат фирмы «Кэмпбелл» с крекерами, который мы главным образом пили маленькими глотками из предназначенных для использования в походах чашек и добавляли в него соль. Когда Стив был на занятиях, я ходила в книжный магазин. Именно там я нашла полный набор картин с открыток, которые посылал мне Стив, современного художника Мулдона Ельдера. Я помню, что была очень тронута тем, что нам со Стивом нравились работы одного и того же автора. Я также убивала время, слушая музыку (в основном Бетховена) в наушниках Стива. Я жизнерадостно подпевала – до тех пор, пока в один день Стив не пришел и не стал смеяться над отсутствием у меня слуха.

Во время моего первого визита я познакомилась с Дэниэлом Коттке. Как большинство друзей Стива того времени, Дэниэл – с его длинными белокурыми волосами и добрым лицом с усами – походил на Иисуса. Однако у меня не было полной картины, что представляла собой жизнь Стива в колледже Рид, потому что мои посещения всегда носили краткосрочный характер и мы не так много времени проводили с остальными.

Когда я сейчас вспоминаю все эти события, в моем сознании складывается более позитивная оценка энергии юношеских эмоций. Мы со Стивом очень сильно друг по другу сучали. После проведенного вместе лета нам было сложно жить порознь, мы часто писали друг другу письма в это время.

Примерно три года спустя, когда Стив помогал мне перевезти вещи из гаража моего отца, он обнаружил огромную коробку из-под обуви, в которой я хранила все его любовные письма. Я помню, как он стоял там, изогнувшись буквой «S» и элегантно наклонив длинную шею, пока читал. Он посмотрел на меня скептическим, холодным взглядом и сказал: «Хей, да я был романтиком». В то время, когда все это произошло, наши отношения «то сходимся, то расходимся» находились в стадии «расходимся», поэтому мне показалось, что он также спрашивает: «Почему ты не осталась со мной?»

Не будет преувеличением, если я скажу, что для Стива было очень важно сохранять романтичность. Прошло уже много времени с того момента, как я потеряла все его письма, за исключением одной из открыток. Однако у меня до сих пор сохранились некоторые книги

Кеннета Пэтчена с записями Стива на обложке. Он практиковал чистописание, используя серые или коричневые чернила и не придавая особого значения грамматике и правописанию, на которые я бы все равно не обратила внимания.

Витфильдский клуб (ночное отделение) приглашает тебя на свои встречи – каждую ночь на пшеничном поле твоего сознания. Приводи с собой своего возлюбленного. Увидимся там, Оаф.

Женщина долины с печальными глазами, где грустное предсказание говорит, что мужчина не придет, мои глаза-склады, мои арабские барабаны, должен ли я бросить это у твоих ворот или подождать, женщина с печальными глазами? (цитата из песни Боба Дилана)

Слова на последней странице совпадают с теми, которые Мириам Пэтчен использовала, рассказывая о своем муже и его смерти. Он тоже говорил так о любви, о том, что движущие силы остаются, продолжается жизнь, любовь, даже ненависть. И именно это я имею в виду, говоря, что Дилан Томас и Витфильдская группа находятся там, когда мы вместе.

Все, кто нас покинул, всегда остаются с нами.

Люблю тебя,

Стив.

Я буду любить тебя до конца жизни. Оаф.

Я заботливо относилась к письмам Стива и хотела услышать его голос, однако не могла позволить себе позвонить. (Удивительно, что междугородные звонки были такими дорогими, в то время как бензин стоил лишь 32 цента за галлон.) И тут на помощь пришла «синяя коробочка», теперь знаменитое устройство, созданное для незаконного бесплатного подключения к междугородной телефонной сети. Воз со Стивом выяснили, как их делать, и превратили продажу «коробочек» в источник своего дохода. И теперь я должна была воспользоваться ею. Стив устроил так, чтобы Воз встретил меня в одну из суббот в кампусе Хоумстеда. Им следовало воспользоваться общественным телефоном-автоматом, потому что «синие коробочки» были противозаконны, и существовала опасность, что могут отследить домашний номер, а телефоны-автоматы в Хоумстеде располагались во внутреннем дворе, и их не было видно с улицы.

Коробочки размером приблизительно три дюйма изготавливались из пластиковой оправы высокого качества. Они были большими, наверху располагались кнопки и провод, ведущий к маленькому динамику, который издавал ряд коротких звуковых сигналов, скрипов и тоновых волн, позволявших избежать оплаты звонка. Насколько я помню, звонок с помощью «синей коробочки» требовал использования обеих рук. Необходимо было поднести маленький динамик к телефонной трубке, одновременно с этим стабилизировать положение «коробочки» напротив своего живота и полки внизу, а затем нажать ноль. Прежде чем отзовется оператор, следовало в ответ на звуки, исходящие из телефона, нажать в правильном порядке номера. Машина против машины. Воз проявлял доброту и вел себя как преподаватель, когда объяснял мне механизм их работы, он сказал мне, что в своей основе «синяя коробочка» функционирует с помощью звуковых сигналов и отвечает на подсказки телефонной системы. Позже он или Стив писали указания на кусочке бумаги, чтобы я знала порядок действий.

Когда телефон Стива начал звонить, Воз посмотрел на меня и увидел на моем лице восхищение. Затем он отошел подальше, чтобы не слышать, о чем мы говорим, и начал терпеливо ждать. Я не помню, о чем мы со Стивом болтали в тот день. Я лишь помню, что периферическим зрением я наблюдала за Возом, который прождал меня около часа. Он скрестил на груди руки и спокойно смотрел вниз, погруженный все это время в свои мысли. Я была очень благодарна и поражена его терпением и добрым поведением в тот день, как никогда

ранее. Впервые я увидела в нем целостного, взрослого человека и благодаря этому одному впечатлению стала смотреть на него новыми глазами.

Позднее Стив и Воз, должно быть, решили, что мне можно иметь свою «синюю коробку», и я какое-то время носила один экземпляр в маленьком бумажном пакете в промежутках между визитами Стива домой. Я знала, что эта аппаратура противозаконна с точки зрения ФБР, но никогда не думала о риске. У меня не было ощущения, что я наношу какой-то вред, так что я не испытывала никаких угрызений совести по этому поводу. На самом деле было захватывающе, даже головокружительно обладать технологией, которая превращала компанию «Белл телефон» в пустышку.

* * *

Позднее той осенью я отправилась на самолете в Портленд, чтобы побыть со Стивом. Наш план состоял в том, чтобы через два дня вернуться вместе в область залива Сан-Франциско автостопом. Патина идеализма 60-х годов спадала, и путешествовать автостопом было уже не так легко и безопасно, как раньше, если так вообще когда-то было. Однако романтик в Стиве все еще любил ездить автостопом, поэтому мы все запланировали.

Отец спросил меня насчет поездки. Я рассказала ему о моем полете и о том, что я собираюсь вернуться домой автостопом вместе со Стивом. Скептически настроенный, он заявил: «Ты ни за что туда не поедешь». Мы продолжали спорить друг с другом в течение трех дней, пока я не сказала ему, что Стив договорился с другом, который едет в область залива Сан-Франциско, чтобы тот нас подвез. Вымотанный, отец, казалось, поверил моей лжи. А может быть, он решил, что позволит мне самой разбираться с последствиями обмана. Он не собирался проявлять к нам обоим неуважение и требовать доказательств. На душе у меня было довольно мерзко, но, хотя я всегда старалась принимать во внимание озабоченность отца, в ситуациях, затрагивающих Стива, он мало как мог повлиять на мою решимость.

В итоге я полетела в Портленд, где мы пробыли вместе двое суток. Наступил день, когда нам надо было возвращаться. Стив и я отправились домой с небольшим запозданием в пятницу днем. Около половины пятого вечера мы вышли на близлежащую к колледжу улицу и поймали первую попутку. Затем, после череды пересадок и поглощенного обеда, мы застряли на три часа неподалеку от города Юджин, Аризона.

Земля была замерзшей, и мы озябли. Уставшая и сильно подавленная, я села на рюкзак и опустила голову. Я чувствовала себя ужасно из-за того, что соврала отцу, и боялась, что допустила огромную ошибку. Стив оставался в приподнятом расположении духа и всякий раз, когда мимо нас проезжала машина, выходил к дороге и поднимал палец в надежде, что она остановится. В конечном итоге где-то в полдвенадцатого нас подобрал водитель огромного полуприцепа и предложил добросить почти до самого дома. Испытывая огромную благодарность и облегчение, мы забрались в кабину, где наши замерзшие лица наконец-то почувствовали теплый воздух. Сиденье было огромным и более упругим, нежели я представляла. Мы сидели чрезвычайно высоко над уровнем дороги. Я никогда не ездила в полуприцепе раньше, и чувство, что ты находишься в приятных объятиях его животной силы, было потрясающим. После двадцати минут поездки водитель грузовика предложил мне отдохнуть: «Почему бы тебе не перелезть за сиденья и чуток не поспать? Там, в задней части машины, находится кровать». «*Ух ты, – подумала я, – в этих штуках есть еще и кровати?*» Мне было интересно, не представлял ли опасности наш водитель и была ли чиста постель, однако он настаивал в доброй манере, и, поскольку мне очень хотелось спать, я решила ему поверить. Стив бодрствовал еще в течение двух часов, болтая с водителем. Затем он свернулся клубком рядом со мной, время от времени ворочаясь.

Прямо перед рассветом водитель разбудил нас и сказал, чтобы мы собирались, поскольку он намеревался нас высадить. Следующее, что я помню, – это что он остановил автомобиль на уступе неподалеку от дороги с туннелем, который проходил через огромную скалу над Сосалито. Мы были недалеко от дома, и солнце лишь начинало вставать.

Сосалито – магическое место, центр которого хранит некую тайну. Со своими похожими на ювелирные изделия домами, огибающими крутой склон горы, Сосалито возвышается над бухтой Сан-Франциско, островом Эйнджел, Беркли и самим Сан-Франциско. В Сосалито чувствуется европейский дух, и у этого места интересная история. Именно там Анаис Нин жила в плавучем доме и написала ряд отрывков «Дневника». Именно там были сняты отдельные сцены фильма Орсона Уэллса «Леди из Шанхая», ставшего классикой. Именно в Сосалито в 50-х годах предпочитали проводить свое время множество поэтов-битников. Именно там Отис Реддинг написал песню «Sitting on the Dock of the Bay».

Стив и я вылезли из черной кабины грузовика и попали в предрассветное утро. На морозном воздухе наше дыхание приобретало форму огромных, витиеватых клубов пара. Убедившись, что забрали все наши вещи, мы попрощались с водителем грузовика и стали наблюдать, как он маневрирует, чтобы вернуть огромного зверя обратно на дорогу, напрямиком к мосту Золотые Ворота.

С того места, где мы стояли, открывался божественный вид. Пока мы ждали следующую попутку, солнечные лучи начали пробиваться сквозь здания, обрисовывая силуэт Сан-Франциско. Это был самый чистый свет, который я когда-либо видела. Становясь все сильнее, он превращал область залива Сан-Франциско в одно огромное, святящееся пространство океана и неба. Стив посмотрел на меня с улыбкой, как будто из начала времен. Он мог так улыбаться. И мы стояли там, счастливые, что живы и находимся так близко к дому, и испытывали наслаждение от того, что решились на это путешествие.

* * *

Мы были всего лишь детьми, относившимися к нашим обязанностям так, как могли. И жили лишь настоящим моментом. Хотя, может быть, в моем случае настоящий момент был чрезвычайно богат различными событиями. Мне удалось отличиться, выиграв три награды: за мою работу в районном конкурсе картин, как помощник Марка в создании фильма «Хэмпстед», который заслужил похвальный отзыв в городском конкурсе, за талант и артистические достижения – высшая художественная награда Хоумстеда в моем выпускном классе. Однако я не строила планы на учебу в колледже. Мои родители тоже не думали о том, чтобы я пошла в колледж, и мы никогда это не обсуждали. Честно говоря, мой отец тоже выигрывал различные награды в своей юности и никогда не думал о том, чтобы пойти в колледж, так что, возможно, причина частично заключалась именно в этом. Тем не менее, несмотря на то что у меня не было конкретного плана относительно учебы в колледже, я не ставила перед собой амбициозные цели, в которых бы нашла отражение моя страсть к приключениям. Я не понимала, что возможности не были неограниченными, в отличие от времени. Я всего лишь заполняла заявления с чувством, что всегда подвернется отличная возможность предпринять следующий шаг, не осознавая, что можно упустить время и возможность, если в действительности не *планировать* следующие шаги.

Затем в этой общей суматохе наступил день (я думаю, что это было начало ноября 1972 года или, возможно, января следующего), когда Стив позвонил мне, чтобы сказать, что он бросает колледж. Это были его первые слова, без всяких прелюдий и предупреждений. «Я просто *не могу* больше продолжать тратить деньги своих родителей таким образом», – сказал он. Я поняла, ему не надо было вдаваться в объяснения. Стива не покидало неприятное ощущение, что его образование оказалось слишком большим финансовым бременем

для его родителей. Мы говорили с ним об этом несколько раз до того, как он отправился в Рид, однако я думала, что все будет в порядке, когда он там окажется. Мысли в моей голове закрутились, и я вспомнила о большой лодке, которая стояла на подъездной дорожке у дома Джобсов: из-за нее у меня сложилось впечатление, что они в состоянии покрыть расходы на образование Стива. Я глубоко восхищалась Стивом за то, как он считался с чувствами своего отца, однако меня не оставляло ощущение, что Пол был маленьким, воинственно настроенным человеком, который слишком много жаловался. Эти жалобы сильно влияли на Стива, предпочитавшего хранить свое беспокойство и мысли в себе. К моменту, когда он мне позвонил, он уже принял решение.

Он сказал мне, что собирается бросить колледж, а затем остановился.

– В любом случае, – сказал он, – я собираюсь стать свободным слушателем.

– Оу, – отозвалась я, заинтригованная. – Что значит «свободный слушатель»?

– Это значит, что я могу посещать любые занятия, которые захочу, и мне не нужно будет платить за них.

Я была поражена.

– Ты можешь так сделать? – Перед моими глазами разворачивались волшебные миры возможностей.

– Да, хотя я не буду получать никаких зачетов.

– Ох, – сказала я снова, на этот раз отчасти расстроенная.

– Но мне не нужны зачеты. Я всего лишь хочу посещать занятия. – Он произнес это абсолютно уверенно. И это было оно – доказательство синтезирующего ума творца. Стив обнаружил, как можно ходить в колледж, не используя при этом деньги своих родителей.

Оглядываясь сегодня на все это, я задаюсь вопросом, как судебный процесс относительно усыновления Стива, затеянный в период его младенчества, повлиял не только на это его решение, но и на его жизнь с самого ее начала. Во времена, когда усыновление ребенка не было таким культурно распространенным явлением, каким является сегодня, создается впечатление, что биологическая мать Стива, Джоанна, была поразительной и удивительно отважной женщиной, чтобы оспорить выбор семьи, которая возьмет Стива на усыновление. И, может быть, также и чрезвычайно глупой. Я полагаю, что она действовала отважно, даже на фоне того, что, вероятно, было практически невыносимой болью от потери сына, не говоря уже об уходе его отца, человека, которого она, наверное, очень сильно любила. Ей было всего лишь 23 или 24 года, однако ее неукротимость и чувство власти бросаются мне в глаза. Так же как и отсутствие у нее понимания и сострадания по отношению к Стиву и эмоциональному состоянию его новой семьи.

Сейчас у меня складывается впечатление, что Джоанна могла сделать аборт, однако решила все же родить ребенка. И за те девять месяцев, что он в ней находился, она, должно быть, раздумывала о том, какое влияние может оказать на его жизнь, когда ее уже рядом с ним не будет. Она хотела, чтобы он вырос в католической семье под постоянным наблюдением Богоматери, чтобы его новые родители обладали высшим образованием, которое обеспечит появление у Стива глубокого уважения к учебе, чтобы его новая семья была достаточно богатой, чтобы позволить себе предоставить ее ребенку широкие возможности в жизни. Однако всем ее замыслам не суждено было сбыться, поскольку семья, которую она выбрала, в последнюю минуту изменила мнение и решила, что они хотят девочку.

Джобсы не имели высшего образования. Они не были католиками и не обладали огромным состоянием. После того как все процедурные особенности, связанные с усыновлением ими Стива, завершились, Джоанна потребовала, чтобы ее план в отношении будущего ее ребенка был выполнен. Я понимаю эту позицию. Однако в моем сознании возникают также и другие тягостные ассоциации: красота Джоанны, ее возвращение с намерением забрать Стива у Джобсов и отдать его, как она это воспринимала, в лучший дом к более совершен-

ным родителям. И Джобсы, которые впервые стали родителями и которым говорят, что они недостаточно хороши, борются изо всех сил, чтобы оставить у себя новорожденного, названного ими Стивеном Полом. Они, возможно, даже задавались вопросом: а правильно ли они поступают, так борясь за него? Не проще ли взять и отдать его, как того жаждет его мать? Сквозь все это я могу представить, как буйный и прагматичный Пол говорит: «Черт подери, дамочка, отстань от него, теперь он наш».

Понятно, что бремя ожидания решения суда не позволяло Кларе чувствовать себя достаточно спокойно, чтобы любить младенца в течение его первых шести месяцев. С того момента прошло семнадцать лет, прежде чем она об этом рассказала, но ситуация все еще не давала ей покоя. В доме Джобсов, должно быть, царил атмосфера полной неясности, пока они наконец-то не выиграли дело в суде. И все блестящие мечты Джоанны для ее сына сократились до одного простого требования: чтобы Джобсы пообещали, что Стив будет учиться в колледже. После того как по данному требованию было достигнуто согласие, наконец-то стало ясно, что все улажено.

В свете всего этого чувство вины Клары из-за того, что она не хотела по-матерински относиться к такому трудному ребенку, каким Стив был в два года, делает картину еще более пикантной. И потому что Мона, сестра Стива по линии его биологической матери, позже сказала мне, что Джоанна никогда не копила деньги ей на колледж, у меня возникает впечатление, что каждому из участников ситуации пришлось непросто, как из-за усыновления, так и из-за судебного процесса. Казалось, что существование Стива служило причиной различных катаклизмов с самого начала.

В Стиве чувствовался нерв. Это была тонкая линия, которая проходила прямо сквозь него. Если ты расшатывал ее каким-то неосторожным комментарием, он решительно говорил о своем происхождении: «Мои родители – те, кто меня вырастил, а *не* та, которая родила меня. *Она* отдала меня. Она не заслуживает называться моей матерью». Мне казалось, что постоянное повторение Стивом этой фразы служит подтверждением не только того факта, что вся работа по его воспитанию была выполнена Джобсами, но также и наличия у Стива горького чувства утраты, а кроме того, многолетних едких замечаний Пола Джобса по этому поводу и касательно всего остального, что он был не в состоянии контролировать.

В те дни Стив настолько хорошо умел понимать чувства других людей, что я думаю, что он проассоциировал себя с отцом и хотел поддержать его в его уязвимости. Таким образом, в нежном возрасте семнадцати лет он взял все в свои руки. Он принял решение бросить колледж и вместо этого ходить на занятия в качестве вольнослушателя. Это была забавная смесь его собственного желания изучить то, что он хотел, не прибегая к использованию банковского счета его родителей, и выполнения требования его биологической матери. Я никогда не слышала, чтобы он сожалел о своем решении. Ни разу. Было огромное количество ситуаций, когда он мог так поступить, потому что следующие несколько лет получились тяжелыми.

Тот факт, что родители согласились с его решением, тоже является довольно показательным. Он был одним из самых умных учеников в старшей школе, известной тем, что выпускает чрезвычайно талантливых детей, настолько продвинутым, что он раз в неделю встречался с горсткой учеников, выбранных из тысячи для элитного математического класса. Мне кажется, что для ребенка его ума должны быть созданы все необходимые условия, однако это оказалось не в духе Джобсов. Когда он в том юном возрасте принял решение перестать быть студентом Риды, он в некоем роде стал сам себе указ. Он не предоставил своим родителям никакого права голоса при принятии решения по этому вопросу, и что самое смешное, такая позиция совпадала со взглядами Джобсов на мир. Это решение успокоило Пола и выставило Стива в положительном свете в его глазах.

Стив был рад перемене, и его юная уверенность выросла, когда он отважился на свой «Великий эксперимент». Я чувствовала, что он очень решительно настроен не отступить от этой цели ни при каких обстоятельствах. Без сомнения, Стив был изобретателен, и ему хорошо удавалось находить альтернативные пути выполнения различных задач, как, например, использовать необналиченные талоны на обед других людей и спать на диванах и на полу в общежитии в спальном мешке. Стиву нравилось быть скитальцем в духе Вуди Гатри. Он наслаждался сложившимися обстоятельствами, в рамках которых он был бездомен и абсолютно свободен. В глубине своего сердца Стив был романтиком, который любил экспериментировать, и, вполне возможно, восхищался суровой красотой того времени. Я думаю, что именно это он имел в виду, когда говорил моему отцу, что хочет стать «бродягой». Для меня же это означало, что, прежде чем взойти на трон, он, как и Генрих V в молодости, должен провести какое-то время в стиле безрассудства.

В течение следующего года Стиву приходилось часто ездить из области залива Сан-Франциско в Орегон и обратно. Я подвозила его до выезда на главную дорогу, чтобы он мог поймать попутку. Его отъезды отчасти разбивали мне сердце: с плечами, поднятыми до ушей, и темными волосами, развевающимися на холодном ветру, он выглядел как замерзший и одинокий ворон, как одинокая птичка на проводе. Я помню, как он улыбался и махал мне на прощание, полный решимости выжать максимум из того, что имеет. Я все еще вспоминаю эти моменты.

* * *

Все, что происходило с ним тогда, было для меня абсолютным сюрпризом. Стив посещал в качестве вольнослушателя занятия, где изучали творчество Шекспира, поэзию, танцы и каллиграфию. Я была расстроена, что он не ходит чаще на естествознание и математику, потому что он был в них действительно хорош и именно ими славился Рид. Я не устаю удивляться тому факту, что Стив последовал своему инстинкту развиваться через изучение гуманитарных наук. Он, должно быть, сказал мне около двадцати раз, что он без ума от своих занятий танцами. «У меня не очень хорошо получается, – говорил он, потрясая головой в ритм танца и желая, чтобы я это заметила, – но мне нравится, мне просто нравится». Он не переставал повторять эту фразу. Ему нравились все его занятия, которые он посещал в качестве вольнослушателя, но... танцы? Я пыталась представить его в трико, однако у меня не очень хорошо получалось. В старшей школе Стив был отличным пловцом и до тех пор, пока не отправился в Индию, обладал красивым мускулистым телом с крепкими руками. Однако он также мог быть неловок и неуклюж во всех вещах, касающихся физической деятельности. Его массаж причинял боль. Стив был чрезвычайно застенчивым и запинаялся и путался в собственных ногах чаще, чем кто-либо может себе представить. Тем не менее в большинстве его движений чувствовалась некая потрясающая грациозность. Я пыталась представить, как все это сочетается в нем во время занятий танцами. И, может быть, у меня на лице от этих попыток даже возникала небольшая улыбка.

В одни из зимних каникул Стив вместе со своим другом на попутках добрался из Рида в область залива Сан-Франциско. Так как мой отец уехал в командировку, они остановились у меня и разработали хитроумный план, как на частном самолете, вылетающем из маленького аэропорта в Пало-Альто, который в те времена был известен лишь как студенческий городок Стэнфорда, бесплатно добраться до Мексики. Дождливый Портленд может производить очень гнетущее впечатление: в эти дни в Риде один из самых высоких показателей самоубийств среди всех американских колледжей. Яркая, солнечная Мексика, где все дешево, вероятно, казалась наилучшим вариантом, который можно было себе только представить. Парни разместили в местной газете объявление о том, что их нужно подбросить, однако не

получили на него никакого ответа. Они решили заявиться в аэропорт и уговорить пилотов на месте. Телодвижения Стива свидетельствовали о том, что он был в полном предвкушении предстоящего бесплатного полета на самолете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.